

Валерий
Лейбин

Сабина
Шпильрейн:
Между молотом
и наковальней

Валерий Моисеевич Лейбин Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172495

Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней: Когито-Центр; М.; 2008

ISBN 978-5-89353-263-0

Аннотация

Эта книга повествует об одном из наиболее интригующих и загадочных случаев любви между пациенткой и ее психотерапевтом в истории психоанализа.

Рассказывается о судьбе Сабины Шпильрейн, прожившей жизнь, полную драматизма и творческих свершений, ее страстной любви к К.Г. Юнгу, дружеских отношениях с З. Фрейдом, а также мало известных широкому читателю подробностях личной жизни основоположников психоанализа. Проникшись идеями своих великих терапевтов, Сабина сама стала известным психоаналитиком. Совсем по-иному повернулась ее судьба после переезда в Советскую Россию.

Содержание

Бред и реальность	4
По дороге в никуда	5
В психоаналитической Мекке	8
Иудеи	10
Становление как результат разрушения	14
Материнский инстинкт	17
Прозрение	21
Невроз с истерическими симптомами	23
Мой Юнга	30
Во власти сновидений	33
Любовь без секса или секс без любви	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Моисеевич Лейбин

Сабина Шпильрейн: Между молотом и наковальней

Бред и реальность

Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг.

Вена и Цюрих. Берлин и Москва. Женева и Ростов-на-Дону.

Разрушение и становление, смерть и жизнь.

Обрывки воспоминаний всполохом зарницы врывались в сознание Сабины Шпильрейн, вызывая в ее смятенной душе одновременно ощущения ностальгической радости и неотвратимого отчаяния.

Бюргхольцли, октябрь 1904 года.

«После моей смерти я разрешаю анатомировать только голову, если она будет не очень страшной... Мой череп я завещаю нашей гимназии. Его следует поместить в стеклянный ящик и украсить бессмертными цветами. На ящике напишите следующие слова: „И пусть играет молодая жизнь при входе в гроб, и пусть сверкает равнодушная природа вечным великолепием“. Мой мозг я даю Вам. Только поместите его чистым в красивый, также украшенный сосуд и напишите на нем те же самые слова. Тело следует сжечь. Но при этом никто не должен присутствовать».

Ростов-на-Дону, август 1942 года.

«Милые мои девочки! Как я вас люблю и как хочу, чтобы преждевременная смерть не оборвала вашу драгоценную жизнь!»

Бред? Фантазмагория? Реальность?

Все происходящее вокруг воспринималось находящейся в полуобморочном состоянии Сабиной как самый настоящий бред. Картины и образы прошлого, напротив, порождали у нее какое-то странное ощущение реальности до боли знакомого мира, становления и разрушения, жизни и смерти.

Другое дело, что жизнь и смерть оказались настолько тесно переплетенными между собой, что разделяющая их грань становилась все тоньше и незаметнее. Эта грань не только размывалась в сознании смертельно уставшей женщины, но и готова была раствориться в той непереносимой боли, которую испытывало ее изможденное тело.

По дороге в никуда

Солнце нещадно светило в лицо. Пот застилал глаза и, скатываясь по лицу, проскальзывая по ложбинке между грудями, смешиваясь с лоскутками содранной кое-где на теле кожи, создавал липкое месиво, вызывающее тошнотворный запах.

Сабина всегда остро реагировала на запахи, особенно на запах человеческого тела. Но в этой обреченной толпе изможденных детей, женщин и стариков она, утратив чувствительность к запахам, с трудом плелась по пыльной дороге.

В ее голове, отдаваясь болью в затылке, пульсировала сводящая с ума мысль, граничащая с просьбой и вопрошанием. С той просьбой, которая была обращена к Всевышнему. С тем вопрошанием, которое она относила к самой себе.

«О Боже! Смерть мне не страшна. Я не боюсь ее. Но сохрани моих дорогих девочек!

Неужели этот кошмар никогда не кончится!

В чем виноваты мои дочери? И почему такое стало возможным?

Неужели только смерть избавляет от страданий?»

Последний вопрос повис в воздухе, так как, споткнувшись, Сабина чуть не упала. Идущие рядом с ней дочери, Рената и Ева, успели ее удержать и, подхватив под руки, помогли устоять на ногах.

– Мамочка, держись, – выдохнула Рената, обеспокоенно поправляя длинную юбку уставшей, сгорбленной женщине, выглядевшей значительно старше своих 56 лет. Она заметила болтавшуюся застежку на старых туфлях матери и, наклонившись, не без труда застегнула ее.

У Сабины так сильно закружилась голова, что она поспешно оперлась на руку старшей дочери, Ренаты. Нестерпимо хотелось пить, но она лишь облизала растрескавшиеся губы, не в силах произнести ни слова.

Внезапно до ее слуха донеслась немецкая речь, не сразу вернувшая Сабину к кошмарной действительности.

До чего же она любила этот язык! С каким наслаждением вслушивалась в мелодичные песни, звучавшие порой на улочках Цюриха, Вены, Мюнхена, Берлина.

Впитав в себя немецкие звуки в период своей молодости, она легко и свободно говорила на языке Гёте и Гейне, с удовольствием общаясь со ставшими для нее близкими людьми – Карлом Густавом Юнгом и Зигмундом Фрейдом.

Но здесь, в Ростове-на-Дону, Сабине пришлось столкнуться с немецкой речью, которая была не только грубой, но и таила в себе явную угрозу.

Вот и сейчас окрики нацистских молодчиков, своими гортанными, напоминающими лай собак голосами подгонявших растерянных и отчаявшихся ростовчан, вызвали у нее страх и недоумение.

До сих пор Сабина пребывала будто во сне. Она не могла поверить в происходящее, не укладывающееся в ее представления о цивилизованной жизни.

Ей, еврейке, всегда казалось, что немецкая нация – это воплощение порядка, интеллектуального развития, духовного роста. Да и как может быть иначе! Разве можно сравнивать еврейскую атмосферу запретов, в которой прошло ее детство, с немецкой свободой духа?

Не случайно, будучи молодой девушкой и восторгаясь немецким образом жизни, она мечтала родить белокурого сына, которого хотела назвать Зигфридом.

И вот теперь, несколько десятилетий спустя молодые, здоровые белобрысы гансы и зигфриды гонят ее, сгорбленную, маленькую женщину, куда-то в неизвестность. Они гонят также ее детей – двух дорогих ее дочерей, – а также беспомощных стариков и женщин, которых они обязали носить повязки с желтой звездой.

Как потом окажется, их всех гнали на окраину города, к Змеевской балке, где молодые представители арийской нации не пощадят никого: ни стариков, ни младенцев, ни мужчин, ни женщин.

Разве Сабина могла предвидеть, что Вторая мировая война принесет ей, еврейке, родившейся в Ростове-на-Дону, получившей медицинское образование в Цюрихе, работавшей в разные годы в Берлине, Лозанне, Женеве и Москве, впитавшей в себя дух еврейской, русской и арийской культур, столько страданий?

Большевистский режим, с которым ей пришлось столкнуться после возвращения из Европы в Россию в 1923 году, принес ее семье одни трагедии.

Ее брат, профессор Исаак Шпильрейн, получивший философское образование в Германии, работавший в Наркомате иностранных дел и в Центральном институте труда, способствовавший развитию психотехники в России и проводивший в 1931 году в Москве Международную конференцию по психотехнике, четыре года спустя был арестован по обвинению в причастности к троцкистской оппозиции и впоследствии расстрелян.

Ее отец, Николай Аркадьевич (Нафтул Мовшович) Шпильрейн, был арестован в 1935 году, через какое-то время отпущен на свободу, но лишен каких-либо средств к существованию.

Ее муж, Павел Наумович (Файвел Нотович) Шефтель, скончался от инфаркта в 1937 году.

Два других ее брата – член-корреспондент Ян Шпильрейн и доцент Эмиль Шпильрейн – были арестованы в 1937 году и погибли в ГУЛАГе.

Ее отец, переживший ужас ареста, но не выдержавший страданий, вызванных печальной судьбой сыновей, умер в 1938 году.

Сама Сабина, чудом выжившая в кошмаре сталинских репрессий, постоянно пребывала в тревоге не только за себя, но и за своих дочерей. Она боялась, что в любой момент ее может постигнуть участь братьев, и тогда судьба осиротевших девочек окажется не менее трагичной, чем участь тех, с кем ей приходилось сталкиваться в последние годы в процессе работы в детском саду, профилактической школьной амбулатории и поликлинике Дома ученых.

Вторжение немцев в Россию в начале Второй мировой войны не воспринималось Сабиной как нечто трагическое. Скорее, напротив, она связывала с немецкой культурой большие ожидания. Не случайно, имея возможность эвакуироваться из Ростова-на-Дону, Сабина не только осталась со своей младшей дочерью Евой в этом городе, но и дождалась приезда старшей дочери Ренаты, которая училась музыке в Москве.

Пережив столько горя, выпавшего на долю семьи Шпильрейнов, пострадавших от сталинского режима, и находясь в постоянном страхе ожидания предстоящего ареста, она рассматривала приход немцев как своего рода избавление от неминуемой гибели, поскольку ее прошлое, связанное с Европой и психоанализом, оставляло ей крайне мало шансов на выживание.

Именно поэтому Сабина не боялась прихода немцев. В отличие от тех, кто срочно эвакуировался из Ростова-на-Дону, она спокойно встретила их. Оккупация немцами ее родного города, имевшая место в конце ноября 1941 года, оказалась непродолжительной – всего 9 дней. За это время Сабина не успела лично столкнуться с представителями арийской расы. Но ей пришлось стать свидетельницей того, как немцы пытались навести в городе свой порядок, уничтожая мирных жителей.

Потом немцы были выбиты из Ростова-на-Дону частями Красной армии, которые удерживали город вплоть до июля 1942 года. Сабина не знала, как относиться ко всему происходящему, поскольку не могла поверить до конца в тот кошмар, в котором она оказалась вместе с двумя дочерьми. Налеты немецкой авиации, бомбежки города, гибель ни в чем не

повинных людей – все это не укладывалось в ее сознании и никак не вписывалось в прежние представления о немецкой культуре, которые у нее сложились не понаслышке, так как ей довелось на протяжении почти двух десятилетий учиться и работать в различных странах Европы, включая Германию.

И вот теперь, после второй оккупации немцами Ростова-на-Дону в августе 1942 года, Сабина вместе со своими дочерьми оказалась в колонне евреев, которых криками и прикладами гнали по дороге к неминуемой гибели.

Сабина так устала и от своих мыслей, и от всего пережитого за последнее время, что, казалось, неизбежная смерть не вызывала в ней никакого беспокойства. И она действительно не боялась смерти, так как еще тридцать лет тому назад высказала мысль, не вызвавшую одобрения у многих психоаналитиков того времени, включая Зигмунда Фрейда, но оказавшуюся пророческой.

Да, именно в конце ноября 1911 года Сабина выступила с докладом на заседании Венского психоаналитического общества. Именно тогда она заявила, что процессы созидания и разрушения тесно связаны друг с другом, любовь и уничтожение нанизаны на нить одного желания, рождение и смерть неразделимы.

События тридцатилетней давности вновь всплыли в памяти Сабины. Воспоминания о минувших днях, когда ее переполняла гордость от приобщения к святым святым, психоаналитической Мекке, завладели воображением уставшей женщины. Ее душа, как бы отделившись от изможденного тела, воспарила к небесам и перенеслась в далекую Вену.

В психоаналитической Мекке

29 ноября 1911 года.

Молодая, полная энергии и сил, девять месяцев тому назад защитившая докторскую диссертацию, 26-летняя Сабина Шпильрейн бодро шагает по улочкам Вены. Ее милое личико, обрамленное черными густыми волосами, не может не вызывать интереса у прохожих. Некоторые из них замедляют шаг, увидев прелестную молодую девушку, приветливо улыбающуюся чему-то своему. Проходящие мимо женщины недоуменно пожимают плечами и, пытаясь защититься от порывов колючего ветра, прячут лица в воротники пальто. Восхищенные мужчины обращают внимание на стройный силуэт черноволосой девушки и украдкой бросают свой восторженный взгляд на это знойное чудо, каким-то ветром занесенное в осеннюю Вену.

В другое время сердце Сабины учащенно забилося бы под восторженными взглядами молодых людей. Она знала силу своего очарования и неоднократно замечала, что ее темные волосы и светящиеся каким-то непостижимым светом глаза сводят с ума не только молодых белокурых парней, но и зрелых мужчин.

Но в тот ноябрьский день она не обращала внимания на восторженные взгляды проходящих мимо нее мужчин. Улыбка на ее приветливом лице скрывала смешанную гамму противоречивых чувств. В душе одновременно соседствовали озорство молодости и сосредоточенность зрелости, страх ожидания и надежда на признание.

Оставалось совсем недалеко до того места, где, фактически, будет решена судьба Сабины. Разумеется, речь шла не о ее судьбе как таковой. Скорее Сабине предстоит выдержать нешуточное испытание. Но сегодня, как полагала она, многое будет зависеть от того, насколько удачно она выступит со своим докладом на заседании Венского психоаналитического общества и как воспримут ее идеи венские психоаналитики. Главное, что скажет по поводу ее идей профессор Фрейд.

Два с половиной года тому назад, в последних числах мая 1909 года, Сабина решилась на отчаянный шаг и впервые написала письмо профессору Фрейду. К тому времени отношения между нею и врачом, у которого она проходила лечение в Цюрихе, достигли критической фазы развития. Находясь в довольно щекотливом положении, она набралась смелости и, после мучительных раздумий, отправила письмо Фрейду, который, как она надеялась, сможет помочь ей выйти из той тупиковой жизненной ситуации, в которой она оказалась.

Сабина помнила каждое слово из своего письма к профессору Фрейду. Вот и сейчас, идя на заседание Венского психоаналитического общества, она мысленно воспроизвела текст, на который возлагала столько надежд.

«Дорогой профессор Фрейд!

Я была бы крайне благодарна Вам, если бы Вы согласились дать мне короткую аудиенцию. Речь идет о деле, крайне важном для меня и, вероятно, интересном для Вас.

Если это возможно, то прошу заранее проинформировать меня об удобном для Вас времени, так как я работаю интерном в больнице и мне нужно будет договориться о замене на время моего отсутствия.

Возможно, Вы подумали, что я навязчивая любительница знаменитостей, стремящаяся потрясти Вас каким-нибудь ничтожным школьным проектом в надежде «перевернуть мир» или что-то в этом роде.

Поверьте, не это является причиной моего обращения к Вам. Мое положение крайне щекотливо.

С глубоким уважением и в ожидании Вашего ответа, С. Шпильрейн».

Сабина до сих пор помнила, с каким нетерпением она ожидала ответа от профессора Фрейда. Помнила и то волнение, которое она испытала, когда наконец-то она получила письмо из Вены.

Согласился ли профессор Фрейд встретиться с ней? Когда он сможет принять ее? Как скоро она сможет его увидеть и рассказать знатоку человеческой психики о своем щекотливом положении?

Один Бог знает, что пережила Сабина в тот момент, когда читала письмо профессора Фрейда, которое оказалось, к ее огорчению, слишком сухим и лаконичным.

Фрейд в присущей ему прямой манере, не щадя самолюбия незнакомой ему женщины, отказал ей в аудиенции. В то же время он сообщил о своей готовности вернуться к рассмотрению ее просьбы, если она в письменном виде изложит содержательные мотивы этой просьбы.

Сабина была не только разочарована, но и подавлена ответом профессора Фрейда. Однако, неоднократно перечитав полученное из Вены письмо, она поняла, что, несмотря на отказ в аудиенции, ей предоставляется возможность продолжить переписку с основателем психоанализа. И Сабина не упустила представившейся ей шанс.

Она вновь написала профессору Фрейду, после чего между ними завязалась переписка. Во всяком случае, Сабина не только донесла до венского патриарха свои собственные переживания по поводу отношений с цюрихским врачом, но и назвала его имя. Этим врачом был Карл Густав Юнг, который использовал психоаналитические идеи в своей профессиональной деятельности и на которого Фрейд в то время возлагал большие надежды.

Да, профессор Фрейд оказался по-своему справедливым и участливым человеком, пытавшимся помочь Сабине своими советами. Она по достоинству оценила его благородство, хотя не всегда следовала его рекомендациям.

Впрочем, одно дело – личное сочувствие и стремление профессора каким-то образом, не будучи третейским судьей и оставаясь профессионалом, избежать вмешательства в деликатные отношения между русской девушкой и цюрихским врачом. Другое дело – новые идеи, которые Сабине предстояло изложить на заседании Венского психоаналитического общества.

Поэтому, вспомнив эпизод с первым письмом профессору Фрейду, Сабина с каким-то тревожным чувством подходила к зданию, в котором по средам собирались венские психоаналитики.

Как отреагирует профессор Фрейд на ее доклад? Примут ли венские психоаналитики ее идеи? Чего вообще можно ожидать от венцев, ревниво относящихся к цюрихской школе и к Юнгу как протезе Фрейда?

Знают ли венские психоаналитики об ее отношениях с Юнгом? Не стала ли поведенная ею Фрейду история личных переживаний достоянием других психоаналитиков? Смогут ли они провести надлежащую грань между личными пристрастиями и профессиональными интересами?

– Пошевеливайся, старая кляча!

Гортанный крик здорового немца, замахнувшегося прикладом на идущую впереди Сабины еврейку, тяжело переставляющую ноги, вырвал ее из воспоминаний о ноябрьской Вене.

Еще не вернувшись в реальность, Сабина машинально съезжилась, как будто удар приклада предназначался ей, а не этой незнакомке. Ее старшая дочь Рената крепче сжала локоть матери, и они попытались ускорить шаг. Спотыкаясь на пыльной дороге, растянувшаяся на несколько метров колонна евреев продолжала свой нелегкий путь навстречу неизвестности.

Иудеи

Подгоняемая грозными криками немецких молодчиков, Сабина из последних сил передвигала свои уставшие ноги и время от времени пыталась стереть с лица пыль, поднимающуюся клубами от толпы бредущих по дороге евреев. Ее возвращение в кошмарную реальность сопровождалось неотступной мыслью, которая в последнее время не давала ей покоя.

Почему немецкая нация с такой яростью преследует русских евреев? В чем их вина? В том, что они допустили большевизм и не препятствовали пролитию крови своих братьев? Или есть нечто глубинное, относящееся не только к русским евреям, но и к иудеям вообще?

Сабина слышала по радио о том, что немцы повсюду уничтожают евреев. Но она не верила этим сообщениям, считая их пропагандистским трюком советских идеологов, стремящихся вызвать у населения ненависть к немцам. Да и как можно верить тем, кто в тридцатые годы арестовывал ее друзей и родных!

В сознании Сабины немецкая нация всегда была оплотом надежности и порядка. О культуре уже и говорить не приходится, поскольку на протяжении двух десятилетий она восхищалась достижениями европейской цивилизации, где немецкой музыке, поэзии и литературе отводилось особое место.

Чего стоила только ее любовь к музыке Рихарда Вагнера! Вагнеровское «Кольцо Нибелунгов» заворожило ее. Особенно ей понравилась одна из частей тетралогии «Рейнгольд», где музыка Вагнера в наибольшей степени проникнута трагическим пафосом.

Но в последние месяцы Сабина столкнулась с реальными фактами вандализма, погромов и убийств, которые совершали представители немецкой нации. Оккупация фашистами Ростова-на-Дону открыла ей глаза на чудовищные вещи, не замечавшиеся ею ранее. Более того, ее собственная жизнь и жизни ее дочерей оказались под угрозой, исходящей от представителей немецкой культуры, ранее являвшихся для нее идеалом.

Сабина стала ощущать своего рода раздвоение сознания. Нечто подобное имело место в ее жизни и ранее, когда она была ребенком, а также в период лечения в клинике Бургхольцли. Но в те времена раздвоение сознания было связано с личностными переживаниями.

Теперь же состояние Сабины уходило своими корнями в глубинные размышления о жизни и смерти, навеянные не столько личностными переживаниями, сколько историческими событиями, связавшими в единое целое прошлое и настоящее.

Пожалуй, впервые в жизни перед Сабиной во всей своей остроте встал сакраментальный вопрос об иудеях как изгоях, чья жизнь – вечная борьба за существование среди остальных людей, с недоверием и презрением относящихся к евреям.

Ранее этот вопрос не был для нее сколько-нибудь мучительным, поскольку ее детство не омрачалось материальными или социальными притеснениями.

Сабина родилась 25 октября 1885 году в еврейской семье. Ее отец Нафтул Шпильрейн был состоятельным и уважаемым в Ростове-на-Дону человеком. Он владел несколькими доходными домами, торговой компанией и мог содержать свою семью в достатке, позволявшем избегать волнений за будущее детей.

Соблюдаемые в семье еврейские обычаи, несомненно, наложили отпечаток на формирование характера Сабины. Но они не помешали развитию ее фантазий о желании иметь ребенка, в котором соединилась бы еврейская и арийская кровь. Может быть, поэтому перед ней долгое время не стоял вопрос об иудеях как изгоях.

И лишь в период оккупации фашистами Ростова-на-Дону, сопровождавшейся уничтожением евреев, Сабина оказалась втянутой в глубокие раздумья о судьбе несчастных иудеев.

К тому времени, будучи в эмиграции в Англии, Фрейд опубликовал нашумевшую работу «Человек Моисей и монотеистическая религия». В полном варианте она вышла в свет

в 1938 году, но в силу развернутой репрессивной политики в Советском Союзе Сабина, находясь в Ростове-на-Дону, вряд ли имела возможность ознакомиться со скандальными идеями ее автора.

Трудно сказать, разделила ли бы она мысли профессора Фрейда, в соответствии с которыми Моисей был египтянином, а иудаистская религия уходит своими корнями в египетскую культуру. Но вот размышления основателя психоанализа о трагической судьбе иудеев, возможно, помогли бы ей найти удовлетворяющий ее ответ на вопрос, почему во все времена евреи подвергались гонениям.

С точки зрения Фрейда, Моисей внушил евреям, которым судьба послала ряд тяжелых испытаний и болезненных переживаний, ощущение, что они избранный народ. Характерная для них духовность укоренилась после Моисеева запрета на почитание Бога в зримом образе. Но еврейскому народу было нелегко сочетать веру в свою избранность всемогущим Богом с теми гонениями, которые подчас обрушивались на них. Поскольку же Моисей в принудительном порядке навязывал народу свою веру и принятый в Египте обряд обрезания, то это вызывало внутренний протест у значительной части людей, которых он вел за собой. Периодические бунты против его власти завершились тем, что Моисей был убит, подобно тому как объединившиеся между собой сыновья в первобытной орде убили своего отца.

Со временем об убийстве Моисея пожалели и пожелали забыть. Неприятный факт его насильственного устранения был вытеснен из сознания. Учение Моисея было отвергнуто, но осталась традиция, которая по прошествии времени способствовала возвращению вытесненного. Представление о забытом Моисеевом Боге не исчезло бесследно. Идея этого Бога позволила еврейскому народу вынести все удары судьбы.

В преддверии возвращения вытесненного сознание вины овладело еврейским народом. Иудей из Тарса, Павел соотнес вину с предысторическим источником, назвав ее первородным грехом – таким преступлением перед Богом, которое может быть искуплено только смертью. В иудаизме возникла и отделилась от него христианская религия, где Сын Божий принес себя в жертву. Будучи невинным, Христос взял на себя вину за всех и позволил умертвить себя.

Если иудаизм был религией отца, то христианство стало религией сына – Бог-отец уступил место Христу. Христианство стало новой, увлекшей многих людей религией, в рамках которой произошел отказ от богоизбранности и от обрезания. Вместо идеи избранности на передний план выступило освободительное искупление.

Часть еврейского народа приняла новое учение. Те же, кто отверг его, стали называться иудеями и обособились от остальных. Принявшие христианство обвинили иудеев в том, что они не хотят признаться в убийстве Бога, в то время как они сами покалялись в содеянном и очистились от вины. Тем самым возникла психологическая почва для появления антисемитизма, тем более что еврейский народ продолжал отрицать совершенное им отцеубийство.

Фрейд не считал, что многовековое преследование еврейского народа целиком и полностью связано с тем, что он не захотел признаться в убиении Бога в лице его позднейшего перевоплощения. Имеются и другие причины, включая историческую обособленность евреев, живущих в меньшинстве среди других народов: их упорство перед лицом любого гнета, их способность преуспевать в различных сферах хозяйственной жизни и вносить значительный вклад во все области культуры.

Почему для иудеев оказалось невозможным сделать шаг вперед и исповедаться в богоубийстве?

Это вопрос оставался открытым для Фрейда, который ограничился психоаналитическим рассмотрением фигуры Моисея и его монотеистической религии. Необходимо было новое исследование, на осуществление которого требовались и время, и силы. Ни того, ни

другого у Фрейда уже не было. Мужественно перенося на протяжении 16 лет невероятные страдания от ракового заболевания, он ушел из жизни в сентябре 1939 года.

На последних страницах своей книги о Моисее, опубликованной за год до смерти, Фрейд лишь высказал следующее соображение.

Несмотря на все последующие перипетии истории, евреи не признались в некогда совершенном ими богоубийстве. Тем самым они возложили на себя трагическую вину, повлекшую за собой тяжелую расплату за содеянное.

Сабине нелегко давались размышления над еврейским вопросом. Ей не довелось ознакомиться с работой Фрейда о Моисее. Она не имела представления о его рассуждениях, касающихся причин многовекового притеснения и гонения евреев.

В одном из писем, полученных ею от профессора Фрейда в то время, когда она ожидала появления на свет своей дочери Ренаты, он писал о своем еврействе. Имея в виду и ее саму, он говорил о том, что они евреи и таковыми останутся. Другие только эксплуатируют их и никогда не смогут ни понять, ни оценить их.

В другом адресованном ей письме Фрейд заметил, что в непростое антисемитское время Господь дал ему возможность родиться сыном благородной еврейской расы. Так что она понимала, почему он желал полного ее излечения от прежних фантазий родить нового Спасителя от арийско-семитского союза с Юнгом.

О чем она не знала, так это о его более поздних размышлениях об истоках возникновения и проявления антисемитизма со стороны немецких национал-социалистов. Они содержались в его книге о Моисее, где он высказал мысль о том, что ненависть немецких национал-социалистов к евреям является, по существу, ненавистью к христианам. По его мнению, эта внутренняя связь двух религий как раз и нашла свое яркое выражение во враждебном преследовании тех и других.

Находясь в толпе подгоняемых немцами евреев, Сабина пыталась понять то, что не могла постичь ни разумом, ни чувствами.

Когда-то она страстно желала родить сына именно от одного из представителей арийской расы. Как же могло случиться, что ее собственная жизнь и жизнь ее дочерей оказались под угрозой, исходящей именно от арийцев?

Существует ли между этим прямая связь или это неизбежное следствие многовековых гонений на иудеев, не связанное с ее личной жизнью, а являющееся общей судьбой евреев?

Какая-то глубокая мысль промелькнула в сознании Сабины. Казалось, еще немного – и она найдет ответ на мучившие ее вопросы. Но в последнее мгновение выстрел, как звонкий щелчок хлыста, неожиданно прервал ее размышления.

Не успев придти в себя, Сабина услышала раздирающий душу крик. Один из немецких молодчиков, стремясь ускорить движение, ударил прикладом седую старуху, которая, потеряв сознание от жары и перенесенных страданий, не могла больше идти вперед. Несмотря на попытки находящейся рядом молодой женщины, держащей на руках грудного ребенка, помочь ей, старуха согнулась пополам и медленно осела на дорогу, замедлив тем самым движение толпы.

Шедшие следом обессиленные женщины и дети остановились, не решаясь обойти распластанную на земле старуху. Конвоиры грубыми криками стали подгонять остановившихся людей, среди которых стал нарастать ропот.

– Дайте передохнуть старому человеку!

– У кого есть вода?

– Что Вы делаете, она же Вам в матери годится?!

– Господин офицер! Проявите милосердие и оставьте бедную женщину!

Изменившись в лице, немецкий офицер подскочил к выбившейся из сил старухе и выхватил из кобуры пистолет.

– Вставай, грязная свинья! – с надрывом прокричал он.

Не дождавшись ответа, офицер выстрелил в голову старухи.

Именно этот выстрел и раздавшийся следом крик находившейся рядом молодой женщины прервали размышления Сабины, которая с недоумением взглянула на бесформенное тело с простреленной головой, все увеличивающуюся лужу крови и начавшего громко плакать грудного ребенка.

С этого момента Сабина потеряла всякое представление о времени и пространстве. Раздвоенность сознания исчезла сама собой. Казалось, исчезла не только раздвоенность, но и само сознание. Оно отключилось, растворилось в той непереносимой боли тела и духа, которую она испытала при виде убитой женщины. И только бессознательное своими всполохами воспоминаний нет-нет да поднималось из глубины души, заставляя кровь пульсировать в каком-то сумасшедшем танце между жизнью и смертью.

В этих воспоминаниях не было никакой последовательности. Однако их произвольность и хаотичность вписывались в определенную логику, подчиняющуюся своим внутренним законам и отражающую безумие происходящего.

Ощущения безысходности и покоя, прошлого и настоящего, былых фантазий и смутных желаний настолько смешались с усталостью и отрешенностью от мира, что Сабина пребывала словно в прострации. Лишь изредка ее изможденное тело реагировало на физическую боль, так как уставшие ноги, обутые в старые, давно изношенные туфли, саднили, и на глаза наворачивались слезы.

Впрочем, туфли были по-своему удобными. Сабина никак не могла расстаться с ними, как и с остальной, вышедшей из моды одеждой, включая длинную поношенную юбку. Однако впопыхах, когда немцы выгнали ее из дома, она не успела привести в порядок застежки на своих старых туфлях. Через какое-то время пространство между ступнями ног и внутренней стороной туфель заполнила дорожная пыль, а откуда-то взявшийся острый камешек постоянно врезался в пятку правой ноги, доставляя неудобство и боль.

Сабина пыталась остановиться и вытряхнуть колющий ногу камешек. Однако, получив прикладом удар в спину и подгоняемая постоянными окриками немцев, она прекратила свои попытки. И хотя боль в ноге становилась все сильнее, а стертая в кровь пятка постоянно ныла, Сабина, тем не менее, стиснув зубы, терпела, как могла.

Но еще больше ныла душа, бессознательные механизмы защиты которой воскрешали воспоминания прошлого, чтобы избавить ее от страданий настоящего. В этом отчаянном взрыве воспоминаний, непроизвольно вторгшихся в образовавшуюся пустоту, в каком-то яростном вихре воспроизводились многие эпизоды ее жизни, принесшие ей много лет тому назад восхитительное ощущение сумасшедшей любви, таинство страсти и творческое вдохновение, связанное с психоанализом.

Становление как результат разрушения

Сумасшедшая любовь и таинство страсти.

О, как давно это было! А что, собственно говоря, было? Реальность, фантазия, бред?

Воспоминания зацепились за что-то слишком дорогое сердцу. Они готовы были оттеснить все остальное и обрушиться с новой силой на терпящую боль Сабину, чье утомленное тело, в юности источавшее неподвластные ей токи сексуальности, продолжало реагировать если не на события настоящего, то на воспоминания прошлого.

Но в последний момент они словно испарились. Вместо них в пустоту души вклинились иные сюжеты, связанные с некогда сформулированными Сабиной идеями о сексуальности и вражде, жизни и смерти.

Вот он, долгожданный день. 29 ноября 1911 года.

Прелестная в свежести ноябрьского вечера, с сияющими от энтузиазма глазами и глубоко запрятанным волнением, Сабина вошла в комнату, пропахшую запахом любимых сигар профессора Фрейда. Она знала, что он был заядлым курильщиком, но контраст с прозрачностью осеннего воздуха улочек Вены был столь разительным, что в туманной дымке прокуренной комнаты Сабина не сразу смогла определить, сколько венских психоаналитиков готовы выслушать ее доклад.

Кажется, их было около 20 человек. Среди них выделялся профессор Фрейд, который спокойно и в то же время с большой заинтересованностью взглянул на молодую темноволосую девушку, чья обворожительность и неподдельный темперамент не только привлекли его цюрихского коллегу, Юнга, но и ввергли его в водоворот страстей, граничащих с нарушением профессиональных терапевтических отношений.

Помимо Фрейда, на заседании Венского психоаналитического общества присутствовали менее именитые, но получившие впоследствии признание психоаналитики, включая Ганса Закса, Отто Ранка, Поля Федерна, Вильгельма Штекеля, Виктора Тауска.

Когда Сабине предоставили слово для доклада, она испытала волнение, смесь вызова и тревоги, отчаяния и страха. Это объяснялось обилием материала, ранее проработанного ею и посвященного проблеме соотношения рождения и смерти. Того материала, который позднее нашел свое отражение в опубликованной ею в 1912 году статье «Деструктивность как причина становления».

Правда, ограниченная временем, Сабина решила прочитать только одну главу из подготовленной ею для публикации статьи, назвав свой доклад «О трансформации». Но это-то как раз и вызывало у нее чувство тревоги, поскольку она опасалась, что не сможет за отведенное ей время убедительно донести до венских психоаналитиков суть своих идей.

К тому же Сабина имела некоторое представление о трениях, имевших место в сообществе венских психоаналитиков. Месяцем ранее профессор Фрейд прислал ей очередное письмо, в котором поведал о неприятной дискуссии между Альфредом Адлером, выступившим с критикой сексуальной теории основателя психоанализа, и его верными учениками. При этом он признался ей, что порою оказывается неспособен поддерживать среди членов Венского психоаналитического общества достойные манеры и взаимное уважение.

Сабине было приятно, когда в том же письме профессор Фрейд по достоинству оценил ее. По его собственному выражению, как женщина, она «имеет прерогативу более точно видеть вещи и более достоверно оценивать эмоции, чем мужчина».

Возможно, это была реакция мэтра на ее неожиданное появление у него и на ее откровенность. Тогда Сабина с не меньшей прямоотой, чем Фрейд, сказала ему, что он выглядит не столь злым, каким она представляла его себе. Однако, несмотря на доброжелательный

тон профессора Фрейда и доверие, выраженное в его последнем письме, Сабина не могла побороть в себе чувство неуверенности и тревоги.

Тем не менее, несмотря на вполне понятное волнение, Сабина быстро справилась с ним и, поддавшись страстному порыву, стала излагать новые для нее самой идеи. Увлечшись своей речью, она даже не заметила, как быстро пролетело отведенное ей для доклада время. На одном дыхании она попыталась раскрыть перед венскими психоаналитиками диалектику рождения и гибели, сексуального влечения и влечения к разрушению, жизни и смерти.

Сабине хотелось более подробно изложить все то, что переполняло ее прелестную головку. Но, памятуя о времени, она сконцентрировала свое внимание на мифологическом материале и смогла воспроизвести лишь основные идеи из подготовленной ею к публикации статьи. Они сводились к утверждению, что разрушение представляет собой творческую силу, а сексуальное влечение, являющееся по сути дела этой силой, одновременно оказывается влечением к разрушению, ведущим человека к уничтожению самого себя.

Впоследствии в подвергнутой корректировке главным редактором психоаналитического журнала Карлом Юнгом и опубликованной статье Сабина обстоятельно рассмотрела вопрос о том, почему связанный с положительными эмоциями могущественный сексуальный инстинкт порождает в то же время такие отрицательные эмоции, как тревога и отвращение.

Ощущение человеком опасности эротических желаний рассматривалось Сабиной как чувство страха, выступающего в форме вытеснения тогда, когда впервые возникает возможность реализации желания. Причем на основе опыта аналитической работы с девушками она выявила, что у них возникает такой страх, когда, по сути дела, они чувствуют врага в себе самих. По ее собственному выражению, речь идет о некоем «жаре любви», который распалает их сердца, влечет к неведомому и в то же время порождает тревогу, обусловленную последствиями возможного самосожжения в пламени эротической страсти.

На основе рассмотрения различных сюжетов, связанных с клинической практикой, философскими размышлениями Ницше, любовными страстями, нашедшими отражение в трагедиях Шекспира, проблемой жизни и смерти в мифологии, русской сагой о князе Олеге, погибшем от укуса змеи (сексуальное вожделение), вылезшей из черепа любимого коня (сексуальность) в тот момент, когда он стоял на его могиле, Сабина пришла к выводу о том, что в половом инстинкте просматривается инстинкт смерти, а становление – это, по сути дела, результат разрушения.

Словом, в той статье Сабины высказывались мысли, в соответствии с которыми становление обусловлено разрушением, никакое изменение не происходит без уничтожения старого состояния, при неврозе составляющая разрушения перевешивает и выражается в симптомах сопротивления жизни.

«Смерть сама по себе ужасна, смерть на службе сексуального инстинкта, то есть как его разрушающая составляющая, ведущая к становлению, приносит благо», – таково заключение Сабины, полагающей, что вечная жизнь не приносит человеку блага, о чем свидетельствует, в частности, легенда об источнике жизни.

В своем докладе на заседании Венского психоаналитического общества Сабина изложила только часть соображений, содержащихся в ее статье, завершающейся утверждением о том, что как биологически, так и психологически инстинкт размножения состоит из двух составляющих, являющихся в равной мере инстинктом становления и инстинктом разрушения. После завершения доклада ей пришлось выслушать ряд критических соображений в свой адрес, поскольку многие венские психоаналитики не спешили разделить ее необычные для того времени идеи.

Профессор Фрейд, мнение которого было чрезвычайно важным для Сабины, не был многословен. Возможно, это было вызвано тем, что прошло всего лишь полтора месяца

после того, как выступивший с критикой фрейдовской сексуальной концепции Альфред Адлер покинул Венское психоаналитическое общество. Причем именно на том же самом заседании, состоявшемся 14 октября 1911 года, Сабина Шпильрейн была принята в члены этого общества.

По оценке профессора Фрейда, Сабина Шпильрейн действительно была талантливой и в том, что она говорила, содержался определенный смысл. Вместе с тем ему вовсе не импонировала идея, согласно которой наряду с сексуальным влечением имеется самостоятельное деструктивное влечение – инстинкт разрушения. Фрейд полагал, что, находясь под влиянием Юнга, Сабина увлеклась биологическими представлениями о человеке и, кроме того, ее идея об инстинкте разрушения является личностно обусловленной.

Материнский инстинкт

Отголоски давно минувших идейных баталий на мгновение промелькнули в голове Сабины, но тут же затерялись в далеком прошлом. В ее сознании сверкнула молния и опалила ее истомившуюся душу тревожной волной материнского инстинкта.

Смерть.

О Боже! Ведь дело не в ее собственной смерти, к которой она давно готова. Смерть не обойдет и ее дочерей. Немцы не пощадят ее дорогих девочек. А ведь им бы жить да жить. Рената.

Прелестное дитя, рожденное 17 декабря 1913 года от брака с ростовским врачом, педиатром и невропатологом Павлом Наумовичем Шефтелем, за которого она вышла замуж и брак с которым был зарегистрирован в ростовской синагоге в июне 1912 года. В свидетельстве о рождении было записано имя Ирма-Рената, но со временем девочку стали звать Ренатой.

Это была темноволосая, кудрявая, стройная и красивая девушка, обладающая хорошими музыкальными данными и учившаяся в музыкальном училище при Московской консерватории по классу виолончели.

Ева.

Родившаяся 18 июня 1926 года и названная в честь своей бабушки, матери Сабины, Евы Марковны Люблинской.

Красивая, с волнистыми волосами, не менее музыкальная, чем ее старшая сестра, и учившаяся в музыкальной школе по классу скрипки.

Милые девочки, за судьбу которых Сабина беспокоилась больше всего на свете. Любимые дочери, которыми она дорожила и гордилась.

Сабина не скрывала того, что до появления на свет дочерей хотела родить сына, которого назвала бы Зигфридом. Не скрывала ни от Юнга, предполагаемого отца, о чем мечтала многие дни и ночи напролет, ни от Фрейда, узнавшего о ее страстной любви к цюрихскому врачу.

Но этому не суждено было случиться. Вместо Зигфрида, нового Спасителя человечества, Сабина родила другого ребенка.

Нет, не дочь Ренату от ее мужа Павла Шефтеля. Девочка родилась чуть позднее.

Сабина все же родила от Юнга маленького Зигфрида, символически представленного статьей «Деструкция как причина становления».

Именно эту статью она воспринимала как плод той страстной любви, которую она испытывала к Юнгу. Да и как могло быть иначе! Разрушение мечты и новое творение. Слияние любящих сердец на фоне упорядочения профессиональных отношений.

Что она писала любимому Юнгу по поводу своей статьи?

Это было тридцать лет тому назад, но Сабина не забыла ничего. До сих пор ласкающей слух мелодией любви звучат глубоко выстраданные слова, написанные ее рукой в письме Юнгу:

«Дорогой мой!

Получи дитя нашей любви – статью, которая и есть твой маленький сын Зигфрид. Мне было трудно, но нет ничего невозможного, если это делается ради Зигфрида. Если ты решишь напечатать эту статью, то я буду знать, что выполнила свой долг по отношению к тебе. Только после этого я буду свободна... Зигфрид давал мне творческий порыв, хотя он был обречен на существование в мире теней Прозерпины».

Мысленно воспроизведя кусок текста из того письма, которое она когда-то послала Юнгу, Сабина продолжила внутренний разговор сама с собой.

Да, дорогой мой, я подарила тебе дитя нашей любви. Ты его признал и опубликовал статью. Наш сын Зигфрид объединил в себе арийскую и еврейскую кровь. Ты, дорогой мой, не только приобщился к еврейству, но и совершил символическое обрезание. Мне было досадно, что ты так критически отнесся к этой статье и кое-что убрал из нее. Но все же она появилась на свет, и я теперь свободна.

Мое замужество – не что иное как свобода от тебя, дорогой Юнг. Фрейд полагал, что тем самым я освободилась от невротической зависимости. Возможно, это и так. Во всяком случае я скоро забеременела от мужа. А Фрейд, узнавший о том, что я жду не воображаемого, а реального ребенка, высказал свое пожелание, чтобы этот ребенок был темноволосым, а не блондином.

Рената, милая девочка!

Как я люблю тебя и как мне хотелось, чтобы ты была счастливой! Но, видимо, моя страстная любовь к Юнгу была столь поглощающей, что ее отголоски давали знать о себе и после замужества.

Бедный Павел Шефтель. Он не мог не чувствовать того, что какая-то часть моей души и моего тела не принадлежит ему полностью. Может быть, поэтому в начале Первой мировой войны он решил вернуться в Россию. Ну а я осталась с дочерью в Лозанне, куда мы поначалу переехали вместе с Павлом, покинув ставший опасным для нас Берлин.

После нашего расставания Павел жил и работал в Ростове-на-Дону. Там он встретил русскую женщину, которая была, как и он, врачом. Они несколько лет прожили вместе, а в 1924 году у них родилась дочь Нина.

Переживала ли я по этому поводу?

Конечно, переживала. Нет, речь не идет о разъедающей душу безумной ревности. К Павлу не было той страстной, безумной любви, которую я испытывала к Юнгу. Но все же Павел был отцом моего не мифического, а реального ребенка – дочери Ренаты.

О рождении у него дочери Нины я узнала тогда, когда уже жила и работала в Москве. Это была потрясающе интересная работа как в комитете Русского психоаналитического общества, в который меня избрали в 1923 году, почти сразу после возвращения в Россию, так и в Государственном психоаналитическом институте. Однако обстоятельства сложились так, что вскоре мне пришлось переехать из Москвы в Ростов-на-Дону.

Почему это произошло?

Трудно ответить на этот вопрос даже самой себе. Тут переплелись личные и профессиональные интересы.

С одной стороны, в результате закулисных интриг, о которых я почти ничего не знала, так как была полностью поглощена лекциями по психологии бессознательного мышления, семинаром по психоанализу детей и практической работой в качестве психиатра и врача-педолога, в августе 1925 года вышло постановление о ликвидации Государственного психоаналитического института. Я не только не видела перспектив дальнейшей работы в области психоанализа, но и, честно говоря, ничего не понимала в существе происходящих в то время дебатов, связанных с фрейдомарксизмом.

С другой стороны, хотя любимая работа заполняла все мое время, я чувствовала себя одинокой в Москве.

У меня не было ни своих друзей, ни каких-либо душевных привязанностей. Поэтому, когда у моего мужа, Павла Шефтеля, начались разногласия с его гражданской женой и он заговорил о возможности налаживания совместной семейной жизни, я начала раздумывать о возвращении туда, где родилась и где прошло мое детство. Тем более, что в Ростове-на-Дону проживал мой старый отец, оставшийся вдовцом после смерти моей матери в 1921 году.

После недолгих, но болезненных колебаний я все же решила покинуть Москву и переехала в Ростов-на-Дону к своему мужу. Все-таки нас объединяла наша общая дочь, Рената.

А в 1926 году у меня родилась от Павла вторая дочь, которую мы называли Евой. Тем самым я хотела как бы продемонстрировать самой себе, да, видимо, и Павлу, что с появлением на свет Евы начинается совершенно новая жизнь.

Вот когда во мне по-настоящему заговорил материнский инстинкт. Раньше я этого не понимала.

Да, я мечтала иметь сына от Юнга. Да, я хотела назвать его Зигфридом. Но те мои желания и фантазии не имели ничего общего с материнским инстинктом. Они были связаны со слепой страстью молодой женщины, но не с щемящим чувством матери, тревожащейся за своего ребенка.

Желание родить Зигфрида не предполагало никакой ответственности с моей стороны. Вернее, я только думала, что на меня возложена историческая миссия произвести на свет нового Спасителя человечества. Но эта историческая миссия не сопровождалась личной ответственностью.

Другое дело – мои две дорогие дочери. Правда, рождение Ренаты произошло в период моего освобождения от того наваждения, которое было связано с Юнгом. Я была полна творческих замыслов и жизненных сил. До личной ответственности за жизнь первой дочери дело просто не доходило, поскольку, казалось, все еще впереди.

Рождение же второй дочери, Евы действительно пробудило во мне материнский инстинкт. Он стал, как мне кажется, своего рода навязчивой идеей. И в этом нет ничего удивительного, поскольку в середине 1930-х годов над нашей семьей нависла угроза большевистского террора.

Кому-то может показаться сумасбродным то решение, которое я приняла после смерти своего мужа. Но я приняла его сознательно, что бы ни говорили другие люди, которые готовы были назвать меня сумасшедшей.

Нет, я не была сумасшедшей. Во мне говорил материнский инстинкт. И не только говорил, но и подталкивал к неординарным поступкам. Ведь моей младшей дочери, Еве, было в то время еще только одиннадцать лет. И никто не мог гарантировать того, что меня, как моего брата и отца, не арестуют по обвинению в чем угодно, например в порочной связи с фрейдиизмом как чуждой большевизму идеологией.

Что стало бы тогда с моей младшенькой? Кто поднял бы ее на ноги? А если бы вслед за матерью арестовали старшую дочь, Ренату, как совершеннолетнюю? Ужас!

Поэтому, будучи прежде всего матерью, ответственной за жизнь своих дочерей, после смерти Павла я поступила женской гордостью. Я сама пришла к той женщине, с которой ранее жил мой муж и у которой от него родилась дочь.

Дочь Павла, Нина, была ненамного старше моей Евы. К тому времени ей было 13 лет. Не зная, что может случиться в ближайшее смутное время 1937 года, я предложила не менее бедной, чем я сама, женщине проявить взаимную заботу о наших младших детях. Я сказала, что если с ней что-нибудь случится, то готова взять к себе на воспитание Нину, а она, в свою очередь, должна взять на воспитание Еву, если что-то произойдет со мной.

Договоренность была достигнута, тем более что мать Нины, как и я, опасалась за судьбу своей дочери.

На Новый, 1938, год я пригласила Нину к себе, где познакомила ее с Евой. Из Москвы домой приехала и моя старшая дочь Рената, так что я оказалась в окружении трех девочек. И хотя мы не могли позволить себе роскошный стол, как это бывало в лучшие времена в нашей семье, тем не менее, мы весело отпраздновали наступление Нового года.

Позднее, с началом Второй мировой войны, мне казалось, что оккупация немцами Ростова-на-Дону будет спасением моих дорогих девочек от большевистской угрозы. Поэтому я не стала эвакуироваться из города моего детства. Подпитываемый любовью к немецкой культуре материнский инстинкт подсказывал мне, что дети должны быть вместе со мной. Я не только не стала отговаривать Ренату от последующего приезда из Москвы ко мне, но и была рада, когда она вернулась в Ростов-на-Дону.

Прозрение

Воспоминания настолько захватили Сабину, что она отвлеклась от ноющей боли в ноге. Но чем ближе воспоминания прошлого приближались к настоящему, тем тревожнее становилось у нее на душе.

Переход от женского к материнскому был своеобразной платой за былые страсти. Обострение материнского инстинкта привело не только к рождению младшей дочери, Евы, но и к стремлению объединиться с обеими дочерьми, стать единым целым.

Но разве забыла Сабина своего символического ребенка? Разве не она «родила» ту статью 1912 года, в которой размышляла о жизни и смерти?

Нет, она ничего не забыла и ничего не вычеркнула из своей памяти. Просто только сейчас, устало передвигая ноги по пыльной дороге, Сабина начала понимать тот абсурд фантазийного арийско-иудаистского соития, который породил в реальности гремучую смесь, замешенную на репрессиях большевизма.

В силу обстоятельств она оказалась как бы между молотом и наковальней. Впрочем, вся жизнь Сабины проходила в просвете между ними.

Острая боль занозой засела в ее отвисшей груди и, высекая искры прозрения, ударила в самое сердце. Надежды и упования на немцев оказались не менее иллюзорными, чем ее девичьи фантазии о рождении сына от Юнга. Все это обернулось тем, что находящиеся рядом с ней дочери стали пленницами ее воображения, не соотнесенного с реальностью.

Будучи психоаналитиком, Сабина не могла не знать того, что многие больные, с которыми ей приходилось иметь дело, живут в мире фантазий. Фрейд неоднократно подчеркивал, что для образования невроза важна не столько физическая, сколько психическая реальность. Говоря психоаналитическим языком, психически больные люди не тестируют реальность.

Будучи молодой девушкой, Сабина сама прошла курс лечения в клинике Бургхольцли. Позднее она закончила медицинский факультет Цюрихского университета, защитила докторскую диссертацию и стала практикующим психоаналитиком. Поэтому она как никто другой была знакома и со сферой одолевающих человека фантазий, и с неукротимыми бессознательными желаниями, не считающимися ни с какой реальностью.

В то же время ей были хорошо известны идеи профессора Фрейда, выдвинутые им в 1911 году. В соответствии с ними каждый человек в своей жизни стремится руководствоваться принципом удовольствия, но, находясь в обществе, вынужден придерживаться принципа реальности.

Сабине не пришлось напоминать самой себе об этих азбучных истинах психоанализа. Но пришедшее к ней запоздалое прозрение столь сильно сдавило ее сердце, что, поперхнувшись и громко закашляв, она зашаталась под грузом материнской вины.

Материнский инстинкт, материнская вина. Все верно.

Но почему, – спросила сама себя Сабина, – это случилось именно со мной? С человеком, знакомым с психоанализом не понаслышке, прошедшим все муки профессионального приобщения к сану психоаналитиков?

Ужаснее всего то, что в просвет между молотом и наковальней попали и ее дочери. Их рождение было наградой за все предшествующие переживания. Но она никак не могла представить себе их смерть от руки арийцев.

Разве в ее предшествующих рассуждениях о жизни и смерти содержался подобный мотив? Разве ее размышления не служили жизни?

Даже в самом кошмарном сне ее бессознательное не сталкивало между собой евреев и арийцев. В ее сознании жизнь и смерть также находились по ту сторону действительности, где не было никакой грани между еврейством и арийством.

Сабине стало не по себе. Тошнота подкатывала к горлу, лишая ее последних сил. И все же, украдкой взглянув на дочерей, шагавших рядом с ней, она, собрав, что называется, в кулак всю свою волю к жизни, попыталась изобразить на своем лице спокойствие.

Девочки не должны видеть свою мать в таком угнетенном состоянии. Она всегда была им надежной опорой, защищала от бед и невзгод, особенно обрушившихся на их семью в последние годы.

Как бы ей самой ни было плохо сейчас, она должна, просто обязана выстоять и поддержать своих дочерей.

Чуть выпрямившись и преодолевая боль в ноге, Сабина крепче сжала руку Евы и, подбадривая взглядом Ренату, сделала вид, что ей намного легче. Пусть девочки видят, что их мать не только не является обузой в этот нелегкий день их страданий и испытаний, но и может служить примером стойкости духа!

Вместе с тем Сабина понимала, что при всем напряжении воли ее силы не безграничны. Хотя она не старуха, тем не менее, возраст дает о себе знать. Долго она не выдержит. Не дай Бог потерять сознание! Что тогда будет с ее дорогими девочками?

Скорей бы прийти туда, куда их гонят немцы. Хотя бы немного передохнуть, собраться с мыслями, обрести новые силы. Поговорить с дочерьми, подбодрить их и дать совет, как им вести себя, если вдруг немцы начнут их расспрашивать о семье.

Что за мука ожидание неизвестности! От этого можно сойти с ума.

Мысль о возможности сойти с ума не то чтобы поразила Сабину, но каким-то непостижимым образом вызвала в ней беспокойство. Что-то обжигающее опалило ее душу. Не успев оформиться в какое-то умозаключение, мысль о сумасшествии, описав замкнутый круг, внезапно ушла в глубины ее психики. Но она не затерялась там среди привычных для нее страхов, тревог и сомнений. Напротив, окунувшись в дебри бессознательного, она вывернула наизнанку давно вытесненные переживания и всполохом молнии осветила годы ее пребывания в цюрихской клинике Бургхольцли.

Невроз с истерическими симптомами

Бургхольцли. Открытый в 1870 году как кантональная психиатрическая лечебница приют для больных, сумасшедший дом. В 1879 году этой лечебницей стал заведовать известный в то время психиатр Август Генри Форель. С 1898 года заведование перешло к Паулю Евгению Блейеру. Кантональная лечебница стала психиатрической клиникой при Цюрихском университете.

Помню как сейчас. Мне тогда было 18 лет. Оставалось два месяца до дня рождения, до девятнадцатилетия. Во второй половине августа, кажется 17 числа 1904 года, меня перевели в лечебницу Бургхольцли.

До этого я находилась в одном из санаториев Швейцарии, куда приехала на лечение вместе с матерью и дядей из Ростова-на-Дону. Я не осознавала своей болезни. Но родители, обеспокоенные моим поведением, которое им представлялось следствием пережитого мною стресса, были не на шутку обеспокоены и неоднократно показывали меня различным врачам.

Для меня действительно сильнейшим стрессом была потеря двух близких мне людей – бабушки и моей младшей сестры Эмилии.

Бабушка умерла, когда мне было 13 лет. В то время я прочувствовала, как тяжело жить на свете без нее.

Моя сестра умерла от тифа в октябре 1901 года в возрасте шести лет. Потеря любимой сестры вызвала чувство одиночества. Хотя в детстве я была довольно слабой, перенесла скарлатину, корь и дифтерию, тем не менее, только после смерти Эмилии, наступившей незадолго до моего шестнадцатилетия, я стала особенно болезненно ощущать бренность жизни.

Эмилия родилась, когда мне было 10 лет. Она казалась мне такой хорошенькой, что я не могла не полюбить ее. Если мама выходила из дома и просила меня присмотреть за сестрой, то я с удовольствием играла с Эмилией и ухаживала за ней, словно она была моей дочерью. Я любила ее больше всех на свете. Поэтому смерть сестры вызвала во мне столь тяжелые переживания, которые, судя по всему, отразились на моем последующем поведении. И хотя в 1904 году я окончила с отличием гимназию, тем не менее, мои родители решили отвезти меня в Швейцарию, чтобы провести курс лечения.

Тот санаторий, в котором я провела четыре месяца, не оставил заметного следа в моей памяти, так как нахождение в нем не было связано с какими-либо значительными событиями и переживаниями. Обычное лечение, обычные процедуры. Сплошное расплывчатое пятно, не окрашенное ни в какие розовые тона. Напротив, используемые в санатории электротерапия и гидротерапия воспринимались мною как нечто мрачное, неприятное, не вызывающее желания ходить на процедуры...

Другое дело Бургхольцли – психиатрическая клиника при Цюрихском университете. Ее возглавлял известный в то время психиатр Блейлер, который ввел понятия шизофрении и аутизма. Он не был моим лечащим врачом, и в то время я мало обращала на него внимания. Зато другой врач, пациенткой которого я и стала, оказался в центре всей моей девичьей жизни.

Это был доктор Карл Густав Юнг. Тот доктор, который со временем очаровал меня. Тот доктор, в которого я без памяти влюбилась и от которого мечтала иметь сына.

Скажу откровенно: когда впервые я увидела доктора Юнга, он не произвел на меня особого впечатления. Доктор как доктор. Правда, высокий, статный, широкоплечий, но какой-то слишком угрюмый и серьезный. Молодой, не в пример пожилым и старым врачам, но в то же время не по возрасту собранный. Весь в себе, как будто никого, кроме него, не существует вокруг.

Я тогда про себя подумала: «Наверное, он нравится многим женщинам, но такой „сухарь“ не для моей эмоциональной натуры».

При первой встрече доктор Юнг задавал мне обычные вопросы. Как я себя чувствую? Что меня беспокоит? Испытываю ли я какие-либо страхи? Нет ли у меня бессонницы?

Я отвечала доктору почти автоматически, поскольку давно привыкла к подобного рода ничего не значащим для меня вопросам. Я даже про себя сказала, что мне опять «повезло». Очередной зануда печется о моем здоровье, но, как и другие врачи, не понимает, что со мной происходит и почему мне хочется порой послать всех к черту, предаться игре воображения и получать удовольствие от собственного тела.

Мне тогда показалось, что доктор Юнг слишком формален. Он видит не меня, а очередного пациента, которому вынужден уделять внимание. Пациента надо лечить, вытаскивать из его собственного мира и при этом делать вид, что врач является специалистом, способным психически больного человека превратить в нормального.

В то время я не знала, какой диагноз поставил мне доктор Юнг. Для всех предыдущих врачей я была ненормальная. Говорили о временном умопомешательстве и еще о чем-то, что было недоступно для моего понимания.

Только позднее я узнала, что в клинике Бургхольцли специализируются на шизофрении, а доктора Блейер и Юнг считаются крупными специалистами в этой области непонятных для простых смертных расстройств то ли головного мозга, то ли психики, то ли еще чего-то.

Позднее я также узнала, что была диагностирована доктором Юнгом как страдающая от истерии и что он осуществлял мое лечение, используя психоаналитический метод профессора Фрейда. Тогда я даже не догадывалась, что я была для доктора Юнга первой пациенткой, на которой он испробовал метод свободных ассоциаций.

Интересно, если бы я тогда знала, что являлась для доктора Юнга своего рода подопытным кроликом, то захотела бы иметь с ним дело в качестве пациентки?

Если бы я знала, что он не имеет никакого представления о моем психическом состоянии и методом проб и ошибок пытается разобраться не столько во мне, сколько в психике человека вообще, попросила бы я своих родителей избавить меня от подобного эксперимента?

Если бы я догадывалась, к чему может привести его некомпетентность и чем обернется погружение в бессознательное не только для меня, но и для него, осталась бы я хоть на один день в Бургхольцли?

Не представляю, как поступила бы я тогда и что бы из этого вышло, обладай я соответствующими знаниями. Но, слава Богу, я ни о чем не догадывалась в то время и с интересом вступила в игру пациент-врач. В ту игру, в которой каждый врач полагает, что он здоров и может помочь больному, в то время как сам больной считает себя вполне здоровым и в душе насмехается над врачом-простачком или, в лучшем случае, старается не расстраивать его, делая вид, что выздоравливает.

Почему слава Богу?

Да потому, что пребывание в клинике Бургхольцли перевернуло всю мою жизнь, направило ее в такое русло, где мне довелось познать счастье и муки первой любви, жар пылающей страсти и леденящий холод одиночества, творческое дерзновение и глубокие переживания, нарастающий интерес к профессиональной деятельности и разочарования от невозможности делать то, что считаешь нужным и необходимым.

Что касается заманчивой и влекущей к себе игры воображения, то тут я была в своей родной стихии. Недаром моя фамилия Шпильрейн (Spielrein), что переводится с немецкого как «чистая игра».

Как долго я находилась на лечении в Бургхольцли?

Около года, точнее с 17 августа 1904 по 1 июня 1905 года.

Насколько успешным был курс лечения, проводимый доктором Юнгом?

Не знаю, если иметь в виду медицинскую точку зрения. Ему, то есть доктору Юнгу, виднее. Во всяком случае, когда под влиянием лечащего врача я решила поступать на медицинский факультет Цюрихского университета, то, подавая документы в апреле 1905 года, представила в приемную комиссию медицинскую справку, подписанную руководителем лечебницы Бургхольцли Блейлером.

В этой справке черным по белому было написано: «Мисс Сабина Шпильрейн из Ростова-на-Дону, проживающая в данной лечебнице и намеревающаяся поступить во время летнего семестра на медицинский факультет, не является душевнобольной [т. е. психотиком]. Она принята сюда для лечения невроза с истерическими симптомами. У нас нет возражений против того, чтобы рекомендовать ее к поступлению».

Когда я ознакомилась с выданной мне справкой, то испытала радость по поводу того, что не являюсь душевнобольной и имею возможность поступать на медицинский факультет с целью приобретения специальности врача. И только позднее, когда я сама стала разбираться в диагностических тонкостях различных заболеваний, мне пришлось задуматься над поставленным мне диагнозом.

В самом деле, если у меня был невроз с истерическими симптомами, то, согласно данной мне тогда справке, это не является душевным расстройством.

Можно ли в этом случае рассматривать невроз с истерическими симптомами в качестве вполне сносного психического состояния, в отличие от психоза, приравниваемого к душевному заболеванию?

И есть ли какие-либо существенные различия между невротиком с истерическими симптомами и истериком?

Кроме того, в той справке ничего не говорилось об исходе лечения. Подчеркивалось лишь то, что я поступила на лечение, будучи невротиком с истерическими симптомами. А вот перестала ли я к концу лечения быть невротиком и были ли устранены истерические симптомы, — об этом не сказано ни слова.

Впрочем, как я понимаю, в то время не было надежных критериев определения того, кто является невротиком, истериком или психотиком. Это позднее психоаналитики попытались провести различия между этими видами психических заболеваний.

Двадцать лет спустя после постановки мне диагноза доктором Юнгом профессор Фрейд написал статью, в которой показал различия между неврозом и психозом.

Черт возьми!

Неотступно преследует одна мысль. Коль скоро в той справке ничего не говорилось о моем излечении, то чтобы это могло означать.

После девяти с половиной месяцев пребывания в Бургхольцли я так и осталась невротичкой с истерическими симптомами?

Или с таким диагнозом можно учиться на медицинском факультете, стать врачом и лечить пациентов, в отличие от психотика, которого не допустят до врачебной профессиональной деятельности?

Раньше я как-то не задумывалась над подобного рода вопросами. Жаль, но теперь мне, видимо, не суждено вплотную заняться этой проблемой, чтобы получить ответы на так неожиданно возникшие передо мной вопросы.

А в то время я радовалась возможности поступления на медицинский факультет Цюрихского университета и не вдавалась в нюансы поставленного мне диагноза. Тем более что к моменту выписки из Бургхольцли, имевшему место 1 июня 1905 года, мое отношение к доктору Юнгу полностью изменилось.

Да, действительно, при первом нашем знакомстве он не вызвал во мне никаких восторженных чувств. Напротив, его официальность и сухость в обращении со мной вызвали у меня если не неприятие, то, по меньшей мере, равнодушие. По-своему привлекательный как мужчина, которым можно любоваться издалека, но какой-то угрюмый, отстраненный, холодный.

Однако по мере того, как продолжалось общение между нами на протяжении нескольких месяцев лечения в Бургхольцли, мое первое впечатление о нем изменилось. Этому способствовало то обстоятельство, что, в отличие от других пациентов, доктор Юнг предоставил мне относительную свободу и привлек к участию в проводимых им ассоциативных экспериментах, где я выступала не только в качестве объекта исследования, но и в роли его ассистентки.

Он стал для меня не просто лечащим врачом, а учителем, давшим мне возможность узнать его с такой стороны, о которой не знали другие пациенты. Я оказалась его избранницей, помощницей в его профессиональной деятельности, что, естественно, не только льстило мне, но и вызывало ответные чувства благодарности.

Не знаю, как соотносились проводимые им ассоциативные эксперименты с методом свободных ассоциаций профессора Фрейда, но сдается мне что именно свободное ассоциирование вызвало во мне первые ростки непонятного в то время чувства, позднее с головой накрывшего меня и утащившего на дно дремлющих во мне неумных страстей.

С чего это началось?

Точно не помню. Но в процессе анализа, который доктор Юнг проводил со мной каждый раз на протяжении одного, двух, а порой и трех часов, я погружалась в воспоминания детства и неожиданно для себя раскрывала перед ним различные сцены и взаимоотношения со своими родителями. Причем мне приходилось рассказывать о тех действиях и переживаниях далекого прошлого, которые вызвали у меня самой то стыд, то гнев, то возбуждение.

Так, однажды я вспомнила и рассказала доктору Юнгу об одном эпизоде, который имел место в то время, когда мне было 3 или 4 года. Я была свидетелем того, как мой отец шлепал моего брата по голой попе. Эта сцена произвела на меня такое впечатление, что мне хотелось повиснуть на руке отца, совершающей болезненные шлепки, от которых брат корчился и извивался. Тем самым я хотела защитить его от наказания со стороны отца.

Когда доктор Юнг спросил меня, что маленькая девочка могла чувствовать во время этой сцены, то, немного поколебавшись, я честно поведала ему о своих впечатлениях и переживаниях. Я призналась, что впоследствии мне хотелось пописать или даже покакать на руку отца и что эти фантазии долгое время неотступно преследовали меня.

Потом доктор Юнг спросил, видела ли я ранее голую попу брата и какое впечатление она произвела на меня. Я не смогла ничего ответить на его вопрос, так как не поняла, зачем ему нужны такие подробности.

Голая попа моего брата.

Какое это имеет значение для моего лечения? Не рассказывать же доктору Юнгу о том, что, пытаясь закрыть рукой свою попу от шлепков отца, мой брат оказался в таком положении, когда я увидела нечто такое, чего не было у меня. Впрочем, доктор Юнг не настаивал на дальнейших расспросах, связанных с данным эпизодом моего детства.

В другой раз мы коснулись воспоминаний, связанных с тем, как я ходила по-большому в возрасте 4–7 лет. И хотя мне было неудобно рассказывать о таких интимных подробностях, я все же пошла навстречу доктору Юнгу.

Я рассказала ему о том, как предпринимала всевозможные попытки, чтобы испражниться на свою ногу. С этой целью я поджимала ногу под себя, садилась на нее, нажимала пяткой на выемку между ягодицами и, сжимая и разжимая их, делала втягивающие и вытал-

квивающие движения. Это занятие вызывало во мне дрожь и блаженство, доставляло боль от неудобного положения и удовольствие от освобождения кишечника.

Однажды, после обсуждения других интимных подробностей, отвечая на вопросы доктора Юнга, я смогла преодолеть свое стеснение и рассказала ему о том, что впоследствии я научилась получать удовольствие другим путем. Он внимательно и, как мне показалось, заинтересованно посмотрел на меня. После некоторой паузы я сказала, что в раннем возрасте стала заниматься мастурбацией, причем подчас настолько энергично, что получала оргазм.

Мне было любопытно, как доктор Юнг отреагирует на столь интимную информацию. Но в тот момент он промолчал и не промолвил ни слова по этому поводу. Возможно, он посчитал, что я привираю или что это воспоминание относится к числу так называемых «покрывающих воспоминаний». Ведь не каждый врач готов услышать от 19-летней девушки признание в том, что уже в детском возрасте она испытывала оргазм.

Скажу откровенно, поначалу я очень стеснялась рассказывать доктору Юнгу о тех интимных подробностях, о которых не принято говорить скромной и приличной девушке и о которых меня никогда не спрашивали другие врачи. Однако не скрою, что вопросы сексуальности чрезвычайно интересовали меня. Как только доктор Юнг просил меня прибегнуть к свободным ассоциациям и, не задумываясь, сообщать о своих переживаниях, я испытывала одновременно страх и трепет, волнение и возбуждение.

В частности, я рассказала ему о том скандале, который имел место в доме отца в Ростове-на-Дону под Новый, 1904, год. Такие скандалы случались не раз и в предшествующие годы, когда гнев отца выливался в сцены наказания детей, включая меня. Так, в возрасте 13 лет отец угрожал мне избиением. Он завел меня в комнату, приказал лечь и собирался задрать платье сзади, чтобы осуществить свою угрозу. Я принялась просить его, чтобы он не делал этого. Отец отступил, но вынудил меня стать на колени, поцеловать портрет бабушки и поклясться впредь вести себя хорошо.

При обсуждении этого инцидента и аналогичных случаев, связанных с наказанием, я призналась доктору Юнгу, что наносимые отцом побои вызывали у меня, как правило, сексуальное возбуждение, которое я начала испытывать в возрасте 4-х лет. К концу трехчасового анализа я также поведала ему о том, что символизирующие подчиненность насмешки других людей надо мной способны вызвать у меня оргазм.

Не знаю, что мог испытывать доктор Юнг в то время, когда молодая и, надеюсь, привлекательная девушка признавалась ему в достижении сексуального возбуждения и оргазма в столь раннем возрасте.

Что касается лично меня, то разговоры на эти темы не могли не вызывать приятных ощущений, заставлявших тело заходиться в истоме.

Помню, что перед сном, лежа в кровати, мысленно воспроизводя наиболее яркие и волнующие сцены воспоминаний, я испытывала нестерпимый зуд в теле и желание снять нарастающее напряжение. В предвкушении удовольствия руки сами собой тянулись к тем запретным местам, раздражение которых с детских лет доставляло приятные, ни с чем не сравнимые ощущения.

Нет, поначалу доктор Юнг не появлялся ни в моих снах, ни в моих фантазиях. Скорее в них присутствовали другие лица, включая отца, брата или каких-то сказочных персонажей, которые то терзали меня, причиняя боль, то целовали, вызывая дрожь и трепет. И только позднее я стала замечать, что за моими грезами о принцах все отчетливее просматривается фигура доктора Юнга.

Разумеется, мне и в голову не могло придти тогда, к чему это все может привести. Трехчасовые сеансы, в рамках которых юная, незамужняя девушка и молодой, женатый мужчина столь подробно обсуждают сцены, приводящие к сексуальному возбуждению и оргазму, не проходят бесследно ни для того, ни для другого. Природа женщины и мужчины такова,

что даже оправданное с точки зрения медицины и необходимое для излечения обсуждение интимных вопросов неизбежно приводит к бессознательному притяжению друг к другу.

Доктор Юнг был женат. В то время, когда он стал моим лечащим врачом, он был, насколько я слышала, примерным семьянином и верным мужем. Впрочем, во время нахождения в клинике Бургхольцли я воспринимала доктора Юнга скорее в качестве друга и учителя, стремящегося мне помочь, нежели мужчины, который может испытывать ко мне какие-то иные чувства, кроме дружеских.

Правда, если быть честной до конца, то мне хотелось, чтобы доктор Юнг отнесся ко мне как к женщине, способной любить и быть любимой. Вряд ли он пропустил мимо ушей мое признание, что подчинение другому человеку, в частности, отцу, который помимо всего прочего является мужчиной, может вызвать у меня оргазм.

Как пациентка и ассистентка доктора Юнга, я, несомненно, находилась в его подчинении. И... он мог бы сделать выводы сам, поскольку, будучи врачом, интересующимся психоаналитическими идеями, считался знатоком человеческой психики.

Разумеется, это сегодня, со знанием психоаналитических идей, да и просто исходя из женской интуиции, я могу говорить с большой долей вероятности о том взаимном притяжении между нами, которое постепенно нарастало в ходе моего анализа доктором Юнгом. Другое дело, что в возрасте 19-20-ти лет я была не то чтобы простодушной, но наивной, невинной и неискушенной в чрезвычайно тонких взаимоотношениях между женщиной и мужчиной.

Интуитивно я ощущала рвущиеся наружу токи, готовые высечь искру неукротимой страсти. Той страсти, которая чуть позже захлестнула меня с головой. Той страсти, которую, судя по всему, испытывал и доктор Юнг, пытавшийся изо всех сил быть мне другом, учителем и не выходить за рамки профессионального долга врача.

Или, быть может, я слишком сильно предавалась своим не всегда приличным с точки зрения скромной девушки фантазиям?

Кто знает, какие бессознательные страсти бушевали во мне и не менее бессознательные защиты возводила я во время лечения у доктора Юнга?

Кто знает, что испытывал он сам по мере выявления моих детских переживаний, связанных со столь ранним сексуальным возбуждением?

Помню, что, находясь в клинике Бургхольцли, я нередко вела себя как непослушный ребенок. После наших сеансов с доктором Юнгом я могла начать проказничать, шалить, а также дерзить медсестрам, если кто-либо из них не оказывал мне доверия и уважения. Как говорил мой лечащий врач, он не всегда понимал, почему мои детские шалости сопровождались подчас «дьявольскими трюками» и таким поведением, которое медсестры воспринимали временами как попытки самоубийства.

А сам доктор Юнг?

Не прятался ли он под маской врача-профессионала, скрытного и уравновешенного мужа и будущего отца семейства от тревожащих его душу и тело моих признаний о проявлении детской сексуальности?

Вряд ли он не понимал, что за моими «дьявольскими трюками» стояло бессознательное желание в получении наказания, в том числе и от него, обладающего, судя по росту и фигуре, значительной силой.

«Дьявольские трюки»!

О, как это раньше я не догадывалась! Дьявольские, то есть исходящие от дьявола, точнее дьяволицы. Искушение дьяволом, дьяволицей, девицей.

Бедный, бедный доктор Юнг!

И как он только противостоял дьявольскому искушению?

Как это ни парадоксально, но порой мне самой приходилось его утешать, когда он начал сомневаться в исходе моего лечения.

Помню, что однажды, когда он совсем загрустил, я стала умолять его не терять присутствия духа, проявлять стойкость и верить. Непременно верить в то, что я поправлюсь, стану хорошей, правильной, нормальной девушкой. При этом именно тогда, не будучи искушенной во врачебном искусстве, тем более в психоанализе, я убеждала доктора Юнга в том, что это единственный способ добиться улучшения моего здоровья.

Мой Юнга

Проклятый камешек! Ну сколько можно изводить обессиленную пожилую женщину! Остановиться бы на месте, опереться на руку Ренаты, снять туфельку и вытряхнуть из нее причину нестерпимой боли в ноге.

Воспоминания Сабины о лечебнице Бургхольцли были прерваны очередным уколом острого камня, который все больше натирал ногу.

Однако, страшась участи той женщины, которую так безжалостно застрелил немецкий офицер, и желая быть рядом со своими дочерьми, чтобы поддержать их в любую минуту, Сабина не решалась замедлить шаг. Вместо этого она, собравшись с силами, встряхнула ногой, в результате чего камешек переместился к середине стопы. На мгновение стало легче, и Сабина облегченно вздохнула.

Так! О чем же я думала до этого? Каким воспоминаниям предавалась?

А, вспомнила. Клиника Бургхольцли. Меня выписали из нее 1 июня 1905 года. Я стала студенткой медицинского факультета Цюрихского университета.

Была ли я довольна и счастлива?

Несомненно. Хотя...

Что хотя?

Так случилось, что радость от возможности приобретать необходимые для будущего врача знания соседствовала с чувством подавленности. Будучи серьезной, критически настроенной и независимой, я стала замечать свою собственную изолированность от других студентов, которые смотрели на жизнь проще и старались больше предаваться развлечениям, нежели сидеть за книгами. Меня же потянуло к научной работе, что скорее всего было следствием моего приобщения к исследовательской деятельности доктора Юнга, который проводил ассоциативные эксперименты.

И это все?

Конечно же, нет, хотя изоляция от других студентов не прибавляла мне оптимизма.

Но главное состояло в другом. Передо мной стояли непростые вопросы, ответов на которые я не могла найти в то время.

Я ни с кем не могла поделиться своими сокровенными мыслями: ни с родителями, ни с доктором Юнгом, по крайней мере, в тот первоначальный период, когда начала ощущать томление по ласкам, не оставлявшее меня в покое ни днем, ни ночью.

Кроме родителей и Юнга у меня не было никого, кто был бы мне так дорог. Поэтому ничего не оставалось, как отводить душу в дневнике, о котором никто не догадывался и на страницах которого я могла высказывать самое сокровенное.

– Может быть, выйти замуж, чтобы не быть столь одинокой? – обращалась я сама к себе с вопросом.

– Нет, это не по мне, – себе же и отвечала я.

– Подчиняться другой личности, даже ради получения оргазма? – продолжала я свое вопрошание.

– Увольте от такой перспективы, – тут же реагировала я.

– Лучше иметь верного, надежного друга, – говорила себе самой я и одновременно уточняла: – Такого как доктор Юнг?

– Конечно, – признавалась я сама себе.

– Но он же женат! – останавливала я себя, делая вид, что это грех, но в глубине души не желая признавать ничего.

Все это я воспроизводила в своем дневнике, совершенно не задаваясь вопросом о том, разговаривают ли между собой внутри меня две отдельные личности или я одновременно выступаю в двух лицах.

Но в то далекое время, поверяя дневнику свои мысли, я не сразу поняла, что, не собираясь этого делать, назвала имя своего лечащего врача.

Почему я его назвала?

Может быть, потому, что сама не понимала до конца, чего хочу.

Как заметил много позднее профессор Фрейд, после сорока лет изучения женской психологии он так и не понял, чего же хочет женщина.

Разумеется, страсть и томление были присущи мне в девичестве, как, быть может, никому другому. В глубине души я чувствовала, что мне нужен такой мужчина, как доктор Юнг. Я жаждала любви, причем со стороны более старшего мужчины.

Сознательно я говорила себе о любви в форме дружбы. Говорила о старшем мужчине-друге, которому могла бы раскрыть свою душу. Такой мужчина стал бы любить меня так, как родители любят своего ребенка, то есть имело бы место своего рода духовное родство. И если бы я могла быть такой мудрой, как доктор Юнг, лучше сказать, мой Юнга, то все было бы в порядке.

О, как прекрасно и ласково звучит! Мой Юнга, не доктор Юнг, а именно Юнга, мой Юнга.

Кажется, именно тогда в своем дневнике я впервые назвала моего лечащего врача «мой Юнга». С тех пор я так привыкла к этому ласкательному имени, что в порывах нежности не могла называть его иначе.

Да, меня выписали из лечебницы Бургхольцли. Но доктор Юнг по-прежнему оставался моим другом и учителем, который к тому же преподавал на медицинском факультете. Кроме того, он, как и прежде, интересовался моим здоровьем. Можно сказать, что он добровольно продолжал выполнять функции лечащего врача, причем совершенно бесплатно. При этом он выступал порой в качестве старшего коллеги, добровольно одалживал мне небольшие суммы денег.

С каждым днем дружба с Юнгом приобретала для меня все большее значение. Я была счастлива находиться вместе с ним. Когда он и я совершали обход пациентов в госпитале, радости моей не было предела.

Дневник дневником, но все же я не могла не поделиться своей радостью с кем-то еще, кроме самой себя. Это могли быть только мои родители, точнее моя мама.

Мой отец, Николай Аркадьевич (Нафтул Мовшович) Шпильрейн, был сыном варшавского купца. Несмотря на то, что он был энтомологом по образованию, он пошел по стопам своего отца и стал крупным торговцем: сначала купцом первой, а затем второй гильдии. В то время когда я появилась на свет, ему было 29 лет.

29 лет! Значит он родился в 1856 году.

Вот это да! Раньше я не придавала этому никакого значения. А ведь год рождения моего отца по-своему символичен. В 1856 родился Зигмунд Фрейд. Любопытное совпадение!

Нет ли в этом неизбежной предопределенности, связанной с тем, что позднее, много лет спустя, они познакомятся друг с другом, и Фрейд не только составит хорошее впечатление о моем отце, но и будет с уважением относиться к нему?

Отец был довольно строгим и, установив свои порядки в доме, требовал от меня и моих братьев неукоснительного их соблюдения. Он сам владел несколькими языками и по составленному им расписанию его дети, включая меня, в определенные дни недели обязаны были говорить то на немецком, то на французском языках. Отец прививал нам также интерес к науке, музыке и литературе. Вместе с тем любые нарушения установленного им порядка в доме влекли за собой наказания.

С большим уважением относясь к своему отцу, я все же побаивалась его, как это было и в детстве. Поэтому я не могла писать ему о самом сокровенном – о моем чувстве к Юнгу.

А вот в письмах к матери я делилась своими восторгami, связанными с Юнгом. Тем более что моя мама, которая время от времени навещала меня в Цюрихе, виделась с Юнгом, могла оценить его профессиональную деятельность и в благодарность за мое лечение делала ему подарки лично или посылала их из Ростова-на-Дону.

Моя мама, Ева Марковна Люблинская, была на семь лет младше моего отца. Она всю жизнь прожила в Ростове-на-Дону, где и встретила с моим отцом, который приехал в этот город в 1883 году. Получив азы медицинского образования, она работала стоматологом и, будучи владелицей дома, принимала пациентов у себя на дому.

С мамой я могла говорить на разные темы, особенно касающиеся тех девичьих переживаний, которые были слишком личностными, чтобы я доверилась кому-либо еще. Кроме того, не зная почему и не осознавая истинных причин происходящего, мне доставляло удовольствие именно маме рассказывать о своих чувствах к Юнгу, который, как мне казалось, мог обмениваться с ней информацией о моем состоянии здоровья, не ставя меня об этом в известность.

Конечно, далеко не всем я могла откровенно делиться с мамой. И все же она знала о моем особом расположении к Юнгу и о моей дружбе с ним.

Не все из того, что я писала в письмах маме, сохранилось в моей памяти. Но помнится, как в последних числах августа 1905 года, уже став студенткой, я написала ей следующее:

«Дорогая мамочка!

Я несколько устала, но полностью удовлетворена. Я необычайно счастлива, как никогда прежде в своей жизни. В то же время это ранит меня и я хочу плакать от счастья. Ты, возможно, догадалась, что причина всего этого – Юнг. Я навещала его сегодня. Юнг сказал, что мне не следовало бы носить дырявую шляпу и что мне также следовало бы починить туфли. Я ответила, что у меня не осталось денег, но я уже получила так много, что о большем просить родителей не могу. Тогда он вынудил меня рассказать ему, на что я потратила деньги. Затем он сделал предложение одолжить мне 100 франков на шляпу и починку туфель. Как тебе это нравится? Мне было настолько стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю, но этого человека невозможно переспорить. С другой стороны, мне было приятно, что он совершил хороший поступок, и я не хотела мешать его порывам. Не говори ему об этом ни слова. Странно, как это приятно быть объектом его «благотворительного влияния» и позволять ему тратить на меня деньги. Естественно, я скоро верну ему деньги, но он еще об этом не знает. Вот, ты можешь видеть, что это за человек, мой Юнга. Он собирается прийти ко мне в пятницу (1-го сентября), в 3 часа. Если бы я только до этого времени смогла научиться готовить борщ!...»

Во власти сновидений

Как я ждала прихода Юнга! Мне так хотелось угостить его борщом. Ведь он даже не знает, какое это объедение – настоящий борщ.

Но в последние дни я была так занята и так уставала, что мне не удалось выделить достаточное время для приготовления такого же вкусного борща, какой получается у моей мамы. Придется отложить его приготовление до другого раза.

Мой Юнга пришел ко мне, как и обещал. Правда, он немного задержался, но эти несколько минут показались мне вечностью.

Он прошел в комнату. Как обычно, справился о моем самочувствии и сел на стул, стоящий чуть в стороне от стола.

Мое самочувствие?

Я была на седьмом небе. Хотелось прыгать и смеяться от счастья. И я не знала, что ответить Юнгу, боясь нечаянно выдать ту шальную радость, которая охватила меня.

Чтобы выиграть время, я обошла его и села на стул поближе к столу. Мне удалось справиться с волнением. Губы сами собой раскрылись, и я смогла лишь произнести:

– Все хорошо. Чувствую себя прекрасно.

– Мне показалось, что в последнее время Вы, Сабина, чем-то озабочены.

Юнг внимательно посмотрел на меня. Мое сердце учащенно забилося, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди.

– Я прав? Или мне это показалось, – не дождавшись ответа, спросил Юнг.

– Все в порядке. Просто в последнее время я немного устала. Не обращайтесь внимания. Вот выкрою время, выплюсь, и усталость как рукой снимет.

– Вы мало спите? Не успеваете с учебой или не можете уснуть, когда ложитесь в кровать?

Вопросы Юнга застали меня врасплох.

Что это он спрашивает о кровати? Хочет знать, о чем я думаю, когда ложусь спать?

Не могу же я ему сказать, что подчас полночи лежу в кровати, думая только о нем.

– Вроде сплю нормально. Просто не получается уснуть мгновенно, как это бывает у других.

Опять приходится скрывать правду. Ну прямо как в клинике Бургхольцли, когда я была там в качестве пациентки!

А что делать? Не могу же я признаться в том, что поздними вечерами, перед отходом ко сну, сердце мое болит от нежности и любви.

– А как насчет сновидений? – снова спросил Юнг.

– Сновидений? – машинально переспросила я.

– Да.

Юнг немного помолчал и добавил:

– Вам снилось что-нибудь в последние дни, точнее ночи?

– Даже и не помню. В основном какие-то обрывки. Правда, было одно очень короткое и странное сновидение, но вряд ли оно представляет интерес.

– Как знать! Можете его рассказать?

– Не знаю, стоит ли. Все настолько запутанно. Какая-то мозаика, неразбериха.

– И все же попробуйте, – настаивал Юнг, с интересом, как мне показалось, взглянув мне прямо в глаза.

Перед его требовательным взглядом я не могла устоять, хотя, честно говоря, мне вовсе не хотелось рассказывать ему то странное сновидение. Оно приснилось мне в одну из последних ночей, когда, предаваясь сладостным грезам, я долго не могла сомкнуть глаз, но потом,

устав от сковывающей тело дрожи, провалилась куда-то так глубоко, что уже ничего не ощущала.

Когда это было?

Ну да, как раз после того, как он сказал, что собирается прийти ко мне. И что? Сообщить ему об этом или нет? Пожалуй, не стоит.

Как внимательно он смотрит! И чего ждет? Правды? А если узнает правду? Покинет меня? Станет утешать? Или посмеется надо мной?

Кровь прилила к моему лицу, внезапно вспотели руки, и дрожь пробежала по всему телу.

– Мне снилось озеро, тихая гладь воды, голубое небо. Мужчина и женщина, купающиеся в воде. Женщина подставила свои губы для поцелуя. А потом какой-то провал. Что-то темное, бесформенное отбросило женщину в сторону. Мужчина пропал.

Женщина стала тонуть, звать на помощь. Она выбилась из сил и пошла ко дну. Неожиданно появился мужчина, который уже побывал на дне. Он подхватил женщину, всплыл вместе с ней на поверхность озера и вытащил ее на берег. Она не дышала. Тогда мужчина поцеловал ее в губы, и женщина ожила.

Наступила пауза. Я сидела на краешке стула и не могла пошевелиться от напряжения. Юнг задумчиво и как-то непривычно настороженно смотрел на меня.

– Это все? – спросил он.

– Да, – потупив глаза, ответила я тихо.

– И больше ничего?

– Нет.

– Как вы сами понимаете это сновидение? Что вы думаете по этому поводу?

– Не знаю.

– Какие у вас ассоциации с озером?

– Это то место, где возможно слияние родственных душ.

– Родственных душ? – переспросил Юнг.

– Ну да. Вода как рождение чего-то нового. Купание мужчины и женщины как их духовное родство.

– Мужчина и женщина. На кого они похожи? Вы их знаете?

– Не уверена, но, кажется, они давно знакомы между собой. Женщина небольшого роста, а мужчина более высокий, крепкого телосложения.

– Мужчина крепкого телосложения?

– Да.

– Примерно как я?

– Не знаю, – у меня перехватило дыхание, и внезапный кашель вырвался из моего пересохшего горла. Согнувшись пополам, я продолжала кашлять, не в силах остановиться.

Юнг поспешно вскочил со стула, поискал глазами стакан или чашку и, обнаружив чашку на прикроватной тумбочке, быстро подошел к графину, стоящему посередине стола. Налив воды, он осторожно передал мне чашку. Я сделала большой глоток, затем еще несколько маленьких, после чего кашель прекратился.

– Спасибо, – сказала я приглушенно и благодарно взглянула снизу вверх на Юнга, стоящего рядом со мной.

Мне хотелось броситься ему на шею, но, будто предчувствуя это, он отошел от меня и сел на свой стул. Наступила неловкая пауза.

– Ну, как вы? – участливо и в то же время чуть отстраненно спросил Юнг.

– Кашель прошел.

– Хорошо. Полагаю, что вам надо отдохнуть.

– Нет, нет. Ничего страшного.

– Мне лучше знать. Не забывайте, что я врач. И не спорьте. Я сейчас уйду, тем более что мне надо бежать к Блейлеру, которому я зачем-то понадобился. А вы ложитесь на кровать и поспите. Дневной сон вам не помешает.

– А как же мое сновидение?

– Давайте в следующий раз вернемся к нему. Договорились?

– Ладно. Мне было так хорошо с вами!

Юнг кивнул головой и заспешил к двери. Уже на пороге он внезапно обернулся, слегка помахал рукой и, чуть помедлив, скрылся за дверью.

Я была сама не своя.

Как трудно скрывать свои чувства от любимого человека!

И тут во мне заговорили как бы два человека, точнее я сама предстала в двух лицах. Две меня повели между собой странный разговор:

– Неужели я сказала «от любимого»? Ведь мы же друзья. Я за духовное родство с моим другом, учителем и наставником. При чем здесь любовь? – с недоумением вопрошала одна часть меня.

– А что же это? Любовь, дорогая моя, любовь, – ухмылялась вторая.

– Да, любовь, но особая, как духовное родство.

– Ты уверена в этом?

– Разумеется.

– А о чем, по-твоему, свидетельствует рассказанное тобой сновидение?

– О духовном родстве. Я же сказала об этом Юнгу.

– Не морочь себе голову! Кого ты хочешь обмануть? Себя или Юнга?

– Никого я не обманываю и не собираюсь делать этого впредь.

– Оно и видно. Не ты ли подставляла свои губы для поцелуя, когда купалась в озере с мужчиной? Не он ли спас тебя от беды? И не он ли целовал тебя на берегу?

– В озере купалась другая женщина, совсем непохожая на меня.

– И того мужчину ты не знаешь?

– Откуда мне знать. Мужчина как мужчина. Мало ли таких на свете!

– Такой высокий, крепкого телосложения. Ну, просто копия твоего Юнга.

– Ничего подобного. И вовсе даже не похож.

– То-то ты так закашлялась, когда Юнг спросил тебя об этом.

– Просто поперхнулась.

– Ладно. Не валяй дурака. Лучше признайся, что любишь своего Юнга так же страстно, как любая нормальная женщина любит своего единственного, дорогого мужчину. И не прикрывайся стремлением к духовному родству с ним.

– Но этого не может быть. Он же старше меня, и у него есть семья – жена и ребенок.

– Старше тебя? На сколько? Тебе сейчас 20 лет, а ему 30 лет. Разница в возрасте пустяковая, всего 10 лет.

– Но он же не мальчик!

– И ты не маленькая девочка.

– Все равно мне хотелось со старшим мужчиной, с моим Юнгом именно духовного родства, а не каких-то других отношений.

– Не морочь себе и мне голову! Ха-ха! У нас ведь одна голова. Лучше послушай, что я тебе скажу.

– Зачем?

– Затем, чтобы ты, дуреха, поняла, что занимаешься самообманом и витаешь в своем воображении черти где.

– Ты о чем?

– Все о том же, о твоих сексуальных желаниях, фантазиях, возбуждении.

– Нет, нет! Ничего не хочу слышать и знать!

– В общем, честно признайся самой себе, что ты влюблена в своего Юнга по уши и что тебе хочется не только духовной близости с ним.

– Ты так считаешь?

– Да, дорогая моя, к тебе пришла любовь в виде страсти, которая одновременно и окрыляет, и пожирает тебя изнутри.

– Разве такое бывает?

– А то. Бывает и не такое.

– И что мне делать?

– Это ты должна решить сама. Тем более что твой Юнг наверняка понял из рассказанного тобой сновидения, что ты влюблена в него.

– Не может этого быть.

– Еще как может. Он же врач. Не забывай, что он пытается разобраться в бессознательных влечениях человека, в том числе и твоих. А сновидение, как писал профессор Фрейд, на которого Юнг ссылаясь в своей докторской диссертации, – это королевская дорога к бессознательному.

– Неужели?

– Именно так, милочка. Интересно, как теперь поведет себя доктор Юнг? Он вроде бы типичный семьянин, приверженец моногамии. Наверное, непросто женатому мужчине, причем такого крупного телосложения, как Юнг, зная, что в него влюбилась молодая, привлекательная и, несомненно, страстная девушка, по-прежнему оставаться в рамках профессиональной сдержанности.

– Ой! Что же теперь будет?

– А чего ты сама-то хочешь?

Утомленная этим внутренним разговором сама с собой, я прилегла на кровать, накрылась пледом и, свернувшись калачиком, словно защищаясь от себя, Юнга и всего остального мира, незаметно погрузилась в обволакивающую, закрывающую глаза, тревожную дрему.

Сквозь дрему неожиданно проступил облик Юнга. Его лицо, обычно строгое и неэмоциональное, расплылось в радостной улыбке.

– Сабина! Любовь моя! Я пришел за тобой.

Протянув свою руку, он нежно дотронулся до моих распущенных волос, слегка потрепал их своими ласковыми пальцами и, нагнувшись к моему лицу, потянулся к моим трепетно дрожащим, раскрывшимся навстречу пьянящему поцелую губам.

– Не сдерживай себя, любимая, – шептал Юнг, – приближая свои губы к моим. – Доверься мне, дорогая. Я покажу тебе дивный мир, о котором ты так давно мечтала.

Его зубы слегка обнажились, и язык, скользя по моему обнаженному плечу, стал подниматься все выше. Его влажный, но пылающий огнем язык маняще прошелся по моей шее и в какой-то неопишуемой истоме коснулся нижней губы. Еще немного – и наши губы слились бы в страстном поцелуе.

Но вдруг что-то острое вонзилось в мои губы, раздирая их до крови. От неожиданности и боли я закричала. А когда увидела перед собой чудовищную морду какого-то хищного животного, похожего на свирепого, разъяренного ягуара, я в ужасе отшатнулась от нее.

Где же мой Юнга? Куда он исчез? И откуда появилось это чудовище, которое хочет меня разорвать на куски?

– Милый Юнга? Спаси меня от гибели! Помоги, дорогой! Юнга, Юнга, Юнга!..

Рената сильнее сжала локоть матери и чуть встряхнула ее за плечо.

– Мапочка, что с тобой? Открой глаза! Очнись!

Сабина вышла из забытья. Она приоткрыла тяжелые веки и с недоумением посмотрела на старшую дочь, которая тревожно и вопрошающе смотрела на нее.

– Что такое? – устало спросила Сабина.

Ты кого-то звала, повторяя какое-то имя, – ответила Рената. – Тебе плохо? Кружится голова? Такое впечатление, как будто ты отключилась, даже глаза закрыла.

– Ничего, доченька. Все в порядке. Действительно, я немного забылась. Но сейчас уже пришла в себя.

– Ты уж держись, мама. Обопрись сильнее на меня. Еще немного потерпи. Скоро дойдем туда, куда нас гонят. Тогда и отдохнем.

Рената поправила выбившуюся из-под косынки прядь волос матери и, поддерживая за ее руку, подалась вперед, стремясь тем самым облегчить путь измотанной женщины.

Сабина тяжело вздохнула. Надо же, подумала она, воспоминания прошлого не хотят ее отпускать. Хорошо, что Рената не услышала, кого я звала на помощь. Впрочем, если бы даже она услышала имя Юнга, то вряд ли бы поняла, что это имя значило для меня долгие годы.

Мой Юнга! Да, когда-то я грезил им. Он был моим кумиром. Позднее мне стало более понятно, что происходило со мной в то далекое время. Приобретенные мной психоаналитические знания и знакомство с профессором Фрейдом пролили свет на былые отношения с доктором Юнгом.

Сабина украдкой взглянула на старшую дочь, потом, отогнав вялой рукой надоевшую муху, жужжавшую возле ее уха, вновь предалась своим воспоминаниям о том полном драматизма периоде жизни, когда она находилась в Цюрихе и имела возможность общаться с Юнгом не только на людях, но и наедине.

Любовь без секса или секс без любви

Та грёза была чудовищной. Я очнулась от собственного крика и остаток дня была охвачена каким-то дурным предчувствием. Однако на следующий день было столько различных дел, что я напрочь забыла о ней. А когда встретила Юнга в госпитале и он, улыбнувшись мне, был более чем доброжелателен во время обхода больных, мое дурное предчувствие испарилось само собой.

Конец 1905 и три последующих года прошли под знаком моего обожания этого неординарного человека. Я ходила на его лекции, восхищалась его манерой общения с пациентами, незаурядным интеллектом, энтузиазмом и творческим потенциалом. Он воспринимался мною не только в качестве идеала, каким должен быть каждый врач, с заботой и любовью относящийся к своим пациентам, но и как человек исключительно честный, порядочный, благородный, высоконравственный.

Он так спокойно и понимающе относился к моим выходкам, переходящим подчас в скандалы и антисоциальные поступки, подогретые непристойными или злобными фантазиями, что я просто удивлялась тому, как у него хватает терпения быть ровным и обходительным со мной. Возможно, мое экстравагантное поведение в то время напоминало ему о тех «дьявольских трюках», к которым я прибегала в клинике Бургхольцли.

Но как в таком случае он воспринимал меня?

По-прежнему как невротичку с истерическими симптомами? Взбаломошную студентку, позволяющую себе невинные шалости и ожидающую наказания со стороны взрослого наставника и учителя? Сумасбродную молодую девушку, влюбленную в своего лечащего врача и знающую наперед, что ее простят, чтобы она не вытворяла?

Тот памятный день, когда я рассказала Юнгу о своем странном сновидении, не прошел бесследно. При всей своей доброжелательности он не подпускал меня к себе на слишком близкое расстояние. Может быть, поэтому, помимо мимолетных встреч, которых мне, как всегда, было мало, мы начали переписываться с ним.

До чего удобная форма общения!

В самом деле, если в присутствии Юнга я порой не могла проронить ни слова или, напротив, слишком много говорила, причем ни о чем, то в письмах к нему мне было легче выразить свои мысли. Я восхищалась его талантом, расточала многочисленные комплименты и даже осмелилась написать ему о своей любви.

Не помню точно, когда я призналась в той переполняющей меня любви к нему, которая помогала мне учиться и жить. Вряд ли у меня хватило духу впервые сказать ему о своей любви вслух. Скорее всего, первый раз я сделала это в письме, и поскольку он не отвернулся от меня с презрением или насмешкой, чего я так боялась, то в дальнейшем я неоднократно писала о том, как сильно люблю его.

Наверное, мои многочисленные признания в любви к нему можно было принять за навязчивые идеи или целенаправленное преследование. Но Юнг не оборвал переписку и не прекратил отношений со мной. Вместе с тем он вел себя со мной довольно сдержанно и не позволял себе никаких вольностей.

Мне же встречи с ним доставляли огромную радость. Правда, моя сдержанность, обусловленная природной стыдливостью, и его корректность, граничащая подчас с непонятной холодностью, вызывали у меня эмоциональные бури, доходящие до отчаяния глубокие переживания и невероятные страдания. Я так измучилась от своей любви к нему и от ее безответности, что хотела уехать из Цюриха хотя бы на три года, чтобы закончить медицинское обучение в каком-нибудь другом университете. Но, увы, я не смогла найти столь же достойный университет, как тот, в котором училась.

Я даже спросила Юнга, должна ли оставить его на три года, чтобы он не испытывал неудобств из-за моей любви к нему. Но он предоставил мне самой решать эту проблему. И поскольку от него не последовало никакого запрета, то в своих письмах и во время личных встреч я не могла не выражать ему свои чувства благодарности, восхищения и любви.

Меня переполняла такая нежность и любовь к Юнгу, что я не могла не обращаться к поэзии. Я читала ему стихи, включая поэзию Лермонтова и Пушкина. Говорила о своем желании стать психоаналитиком, чтобы освобождать людей от их страхов и тревог.

Ведь многие люди, как узники, томятся в темницах своей психики, не в силах самостоятельно вырваться на свободу.

Я перевела ему несколько мест из стихотворения Пушкина «Птичка», где говорится о том, как находящийся на чужбине герой каждой весной выпускает на волю птичку, даря хоть одному творению Бога жизненно необходимую свободу. Читала пушкинского «Узника», где говорится о человеке, сидящем за решеткой в сырой темнице и мечтающем вырваться на волю и улететь вместе с гордым орлом, зовущим его с собой. Мне хотелось, чтобы Юнг не только почувствовал прелесть русской поэзии, но и понял необходимость обретения свободы от тех уз, которые закабаляют нас и не дают нашим желаниям вырваться на волю.

Правда, чтобы не вводить его в смущение, я говорила о своем стремлении к свободе в том смысле, что, став психоаналитиком, смогу оказывать помощь людям. Юнг же дал размышлениям об узнике и птичке психоаналитическое толкование, в соответствии с которым желание дать свободу живому существу есть не что иное, как мое скрытое желание иметь от него ребенка.

Я действительно мечтала о сыне от Юнга, о Зигфриде, как плоде нашей любви.

Почему я хотела назвать нашего с Юнгом сына Зигфридом?

Потому, что Зигфрид – это подлинный герой немецкой истории. В «Песне о Нибелунгах» Зигфрид, олицетворяющий собой свет, а не тьму, становится Спасителем. Как весеннее солнце, он дает людям жизнь и, жертвуя собой, своей любовью спасает их от смерти.

Зигфрид – это огонь, освобождающий жар солнца. Между северным Зигфридом и восточным Христом много общего.

Зигфрид – бог солнца, его возлюбленная – мать-земля. Христос – тоже бог солнца. Распятый на кресте, он умирает на древе жизни, в виде семени попадая в мать-землю. Христос взял на себя грех человечества и своей смертью освободил людей от тяжелой ноши. Зигфрид, как и Христос, тоже является Спасителем людей.

Но... Стоп... Что-то все перепуталось в моей голове.

Когда же я впервые сказала Юнгу о своем желании иметь от него сына Зигфрида? До или после того, как он по-своему проинтерпретировал стихи Пушкина о птичке и узнике?

Птичка – это я. Узник – он. Мне необходима была свобода не только как будущему психоаналитику, но и как любящей женщине. Для него, узника собственной темницы подавляемых желаний, свобода обернулась бы рождением Зигфрида.

Именно так мне хотелось назвать своего сына. И все же.

Когда я сказала об этом Юнгу вслух? Когда вообще у меня появилось это страстное желание? Была ли его интерпретация моих разъяснений о птичке и узнике навеяна этим желанием? Или, наоборот, данное желание возникло у меня после психоаналитического толкования Юнгом мотивов моего обращения к стихам Пушкина о птичке и узнике?

В то время когда я была одержима любовью к моему Юнгу, подобные мысли не могли придти мне в голову. Но сейчас, после многолетней работы в качестве психоаналитика, они возникли сами собой.

Профессор Фрейд писал о явлении переноса, когда в процессе анализа пациент может переносить на аналитика самые различные чувства, включающие как негативное отношение

к нему, так и эротические компоненты. Я внимательно читала его статью о любви в переносе, которая была написана им после того, как мои сумасшедшие отношения с Юнгом сменились профессиональным общением и после того, как я вышла замуж за Павла Шефтеля.

Позднее, имея дело с пациентами, охваченными любовной страстью, в том числе и к лечащему врачу, я нередко задумывалась над природой этой страсти. В профессиональном отношении я разделяла позицию профессора Фрейда, согласно которой пациент переносит на врача свои инфантильные желания. Но в личном плане я не могла согласиться с подобной точкой зрения, поскольку моя любовь к Юнгу не была невротом переноса. Я действительно его любила.

Ох уж эта любовь!

Разве человек способен понять, почему его вдруг охватывает всепоглощающая страсть?

Ведь в отношениях с Юнгом изначально я мечтала исключительно о духовной близости, точнее о духовном родстве.

А что получилось на самом деле?

Вот и сейчас, думая о духовном родстве, я внутренне проговорила, используя выражение «духовная близость».

Родство и близость – не одно и то же. Родство по крови, родство душ не включают в себя сексуальное влечение. А если оно и присутствует, то не в такой степени, чтобы на этой почве сойти с ума.

Другое дело, когда говорят о близости. В этом случае вольно или невольно речь идет об интимных отношениях. Здесь сексуальная страсть является не только преобладающей, но, фактически, движущей силой поведения человека, бессознательно вовлекающей его в пучину радостных и горестных переживаний, возносящей его до небес или, напротив, толкающей в глубокую пропасть отчаяния.

Все это мне пришлось пережить самой, когда счастливые мгновения пребывания с Юнгом наедине сменялись подавленностью или «дьявольскими трюками», доставлявшими столько хлопот окружающим меня людям.

Но вот только сейчас меня пронзила шокирующая мысль.

А что, если, будучи моим лечащим врачом, учителем, наставником и, бесспорно, привлекательным мужчиной, сам Юнг способствовал перерастанию дружеских отношений между нами в нечто такое, что расшевелило угольки моих инфантильных желаний? Не только расшевелило, но взметнуло пламя сексуальной страсти молодой девушки до такой высоты, что в огне необычных для того времени психоаналитических интерпретаций расплавились преграды стыдливости и девушка захотела стать женщиной, мечтающей о ребенке от женатого мужчины.

Раньше я и подумать не могла об этом. Я была влюблена настолько, что ничего не замечала вокруг себя. Когда в августе 1908 года мне удалось поехать на каникулы к своей семье в Ростов-на-Дону, меня разрывали противоречивые чувства. Это были долгожданные каникулы, во время которых я могла увидеться с родными. В то же время мне не хотелось уезжать из Цюриха, не хотелось расставаться с моим любимым Юнгом.

Мы договорились писать друг другу письма. В Ростове-на-Дону я с нетерпением ждала от него весточек, и он действительно писал мне письма, которые приносили мне радость и наполняли сердце еще большей любовью к нему.

Перед моим отъездом к родителям Юнг назначал мне встречи и говорил о своих чувствах ко мне. Мне было приятно слышать его комплименты в мой адрес, когда он рассуждал о том, что счастлив видеть во мне не поддающегося сентиментальности, независимого и свободного человека. При этом он неизменно выражал чисто дружеское отношение ко мне,

когда в присылаемых до отъезда в Ростов-на-Дону письмах подписывался не иначе, как «ваш друг».

Но письма, которые Юнг присылал мне в Ростов-на-Дону, были просто бальзамом для моей истомившейся души. В этих письмах он обращался ко мне не иначе, как «моя дорогая», а завершал их порой фразой «с сердечной любовью». Испытывая неописуемый восторг от этих фраз, в то время я не обращала внимание на некоторое несоответствие, имевшее место в его письмах. В самом деле, то «моя дорогая», то «ваш Юнг». К обращению «моя догорая» больше подошла бы завершающая фраза «твой Юнг».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.